

VITA NOSTRA

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

Метаморфозы

Марина и Сергей Дяченко

Vita Nostra

«ЭКСМО»

2007

Дяченко М.

Vita Nostra / М. Дяченко — «Эксмо», 2007 — (Метаморфозы)

ISBN 978-5-699-20673-5

Жизнь Саши Самохиной превращается в кошмар. Ей сделали предложение, от которого невозможно отказаться; окончив школу, Саша против своей воли поступает в странный институт Специальных Технологий, где студенты похожи на чудовищ, а преподаватели – на падших ангелов. Здесь ее учат... Чему? И что случится с ней по окончании учебы?

ISBN 978-5-699-20673-5

© Дяченко М., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Марина и Сергей Дяченко

Vita Nostra

Часть первая

...Цены, цены, это просто ужас! В конце концов мама сняла комнатку в пятиэтажном доме, минутах в двадцати от моря, окнами на запад. В другой такой же комнатке (квартира-то двухкомнатная!) жили парень с девушкой. Кухня, ванная, туалет – все, получается, общее.

– Они ведь целыми днями на пляже, – успокоила хозяйка. – Много молодым надо? Море, вон оно, из окна почти что видно. Рай.

Хозяйка ушла, оставив два ключа: от входной двери и от комнаты. Сашка нашла на дне чемодана прошлогодний, чуть полинявший купальник и торопливо переоделась в ванной, где сохли на батарее чужие трусики. Ее охватил праздничный счастливый зуд: еще немножко, и в море. Волны, соль на губах, глубокая вода цвета хаки – все забылось за долгую зиму. Пальцы в прозрачной волне цветом похожи на белую черешню. Плынешь в горизонт, чувствуешь, как море оmyвает живот и спину, потом ныряешь и видишь камни на дне, водоросли и зеленватую пеструю рыбешку...

– Может, сначала поедим? – спросила мама.

Она очень устала. Дорога в душном плацкартном вагоне, беготня по квартирам и бесконечные споры с хозяйками – работа не из легких.

– Ма, мы ведь на море приехали...

Мама прилегла на диван, подложив под голову стопку свежего постельного белья.

– Хочешь, за пирожками сбегать? – покладисто предложила Сашка.

– Что мы тут, пирожками питаться будем? Есть же кухня...

– Ну ма! Хотя бы окунуться...

– Иди, – мама закрыла глаза. – Заодно купи яиц и кефира на обратном пути. Да, еще хлеба и сливочного масла.

Сашка натянула поверх купальника сарафан, сунула ноги в босоножки и, прихватив с собой хозяйкино полотенце, выскочила во двор, на солнышко.

Во дворе цвели деревья, названия которых Сашка не знала и звала про себя «павлиновыми». За цепочкой неровно подстриженных кустов начиналась улица, ведущая к морю. «Улица, Ведущая к Морю» – так Сашка и решила ее про себя называть. Таблички с подлинным названием улицы, простым и невзрачным, ничего не значили. Бывает ведь, что прекрасным вещам дают дурацкие названия – и наоборот...

Помахивая сумкой, она пошла – побежала – вниз.

Люди шли густой толпой, кто с надувным матрасом, кто с большим зонтиком, кто с одной только пляжной сумкой. Дети, как водится, обливались талым мороженым, и матери, бранясь, затирали пятна скомканными носовыми платками. Солнце давно перевалило зенит и теперь висело над далекими горами, будто выбирая место для посадки. Сашка, улыбаясь во весь рот, шла к морю, чувствуя горячий асфальт даже сквозь подошвы босоножек.

Они выбрались.

Несмотря на безденежье, несмотря на мамины проблемы на работе. Не смотря ни на что, они приехали на море, и через пятнадцать минут... десять... Сашка нырнет.

Улица повернула. Тротуар почти полностью прегражден был щитами мелкой туристической конторы – вот Ласточкино Гнездо, Массандра, Никитский ботанический, Алушкинский дворец... Звенели и гудели игровые автоматы. Железная тумбочка механическим голосом

предлагала предсказать судьбу по линиям руки. Сашка поднялась на цыпочки – и наконец-то увидела море.

Едва удержалась, чтобы не кинуться галопом. Рысцей двинулась вниз по склону, становившемуся все более крутым, туда, где прибой, туда, откуда доносился счастливый детский визг и музыка приморских кафе. Сейчас...

Ближайший пляж оказался платным. Не очень даже расстроившись, Сашка сделала крюк вокруг забора, прыгнула с невысокой бетонной балюстрады, и под ногами у нее захрустела галька. Выискивая свободное местечко на камнях, сбросила на сумку полотенце, сарафан, рядом оставила босоножки и, морщась, заковыляла по камням к полосе прибоя. Едва добравшись до воды, опустила на четвереньки, плюхнулась, поплыла...

Вот оно, счастье.

Вода в первую секунду показалась холодной, а во вторую – парной, как молоко. У берега покачивались на волнах водоросли и обрывки полиэтиленовых пакетов, но Сашка плыла дальше и дальше, и вода перед ней очистилась и сменила цвет, позади остались надувные матрасы и дети на ярких кругах, вокруг открылось море, и вспыхнул ярко-красный конический буюк – как знак совершенства между двумя голубыми полотнищами.

Сашка нырнула, открыла глаза и увидела целую стаю серых продолговатых рыб.

* * *

Она возвращалась рысцей – мама, наверное, ждалась и будет ругать ее. Дорога в гору показалась неожиданно крутой и длинной. В магазинчике единственная замученная продавщица торговала и хлебом, и яйцами, и картошкой, потому очередь к ней стояла нешуточная. Сашка заручилась поддержкой плотной загорелой женщины («Вы скажете, что я за вами, хорошо?») и по Улице, Ведущей к Морю, побежала во двор с «павлиновыми» деревьями.

Человек стоял возле квартирнoго бюро – зеленой будки с вечно закрытыми ставнями. Был он, несмотря на жару, одет в темный джинсовый костюм. Его лицо под козырьком синей кепки казалось нездорово-желтым, восковым. Темные очки не пропускали ни лучика и ничего не отражали. И все-таки Сашка поймала его взгляд.

Ей сделалось неприятно.

Отвернувшись и не глядя больше на странного человека, она вошла в подъезд, пропахший поколениями котов и кошек, поднялась на второй этаж и позвонила в черную дерматиновую дверь с жестяным номером «двадцать пять».

* * *

Каждое утро они просыпались в четыре, когда соседи, молодая пара, возвращались с дискотеки. Соседи долго ходили взад-вперед по коридору, пили чай, скрипели кроватью и наконец затихали, тогда Сашка с мамой засыпали снова и в следующий раз просыпались в половине восьмого.

Сашка заваривала растворимый кофе. Они с мамой выпивали по чашечке (кухня полна была грязной посуды, молодые соседи всегда очень извинялись за беспорядок, но тарелок все равно не мыли) и шли на пляж. По дороге покупали йогурт в стаканчиках, или теплую кукурузу, обильно усыпанную кристалликами соли, или пирожки с повидлом. Брели на прокат один пластиковый шезлонг, расстилали на нем полотенце и бежали купаться, оступаясь и шипя от боли на крупной гальке. Плюхались, ныряли и не выходили из воды полчаса, а то и час.

На второй день Сашка «подгорела», и мама на ночь мазала ее плечи кефиром. На четвертый день поехали на морскую прогулку, но море было беспокойное, и обеих немножко укачало. На пятый день разыгрался почти настоящий шторм, по пляжу лениво бродили полуго-

лые, загорелые спасатели и сообщали в мегафон, что «купаться нельзя, аллигаторов тьма», как переосмыслила их заявления мама. Сашка играла с волной и однажды получила, довольно чувствительно, камнем по ноге. Остался синяк.

Вечерами по всему поселку гремели дискотеки. Группки парней и девчонок, вооруженных сигаретами, стояли у ларьков, у касс, вокруг старых чугунных скамеек и вели светскую жизнь, естественную для молодых млекопитающих. Сашка иногда ловила на себе оценивающие взгляды. Ей неприятны были эти парни с их нахальными покрашенными подругами, и в то же время скребли на душе непрошенные кошки: в шестнадцать лет отдыхать, как маленькая девочка, с мамой, нормальной девушке стыдно. Сашке хотелось бы стоять вот так, облокотившись о скамейку, в центре шумной компании, и смеяться вместе со всеми, или сидеть в кафе и потягивать джин-колу из баночки, или играть в волейбол на площадке, покрытой растрескавшимся, будто шкура слона, серым асфальтом. Но она проходила мимо, делая вид, что спешит по своим, куда более интересным, делам, и проводила вечера, гуляя с мамой по парку и по набережной, рассматривая картины бесконечных пляжных художников, прицениваясь к полированным ракушкам и глиняным подсвечникам, занимаясь, в общем, совсем не скучными и милыми сердцу делами, – но взрывы смеха, доносившиеся от компаний, иногда заставляли ее вздыхать.

Шторм улегся. Муть в воде ушла, море опять стало прозрачным, и Сашка поймала краба – крохотного, как паучок. Поймала и сразу отпустила. Половина срока, отпущенного на отдых, улетела непонятно куда – казалось бы, только приехали, а уже через восемь дней уезжать...

Человек в синей кепке встретился ей на базаре. Сашка шла, прицениваясь к вишне, обогнула торговый ряд и вдруг увидела его в толпе. Человек стоял поодаль, уставив на Сашку темные очки, не пропускавшие ни лучика. И все-таки она была уверена, что он смотрит на нее и только на нее.

Сашка развернулась и направилась к выходу с базара. В конце концов, вишню можно купить на углу – там дороже, но не намного. Помахивая полиэтиленовым кульком, она вышла на Улицу, Ведущую к Морю, и двинулась вверх, к своей пятиэтажке, стараясь подольше оставаться в тени акаций и лип.

Пройдя полквартала, обернулась. Человек в темном джинсовом костюме шел за ней.

Сашка почему-то была уверена, что он остался на базаре. Вероятность того, что человеку и Сашке просто по пути, оставалась, конечно, но казалась совсем несерьезной. Глядя в черные, непрозрачные стекла очков, Сашка испытала вдруг панический ужас.

Вокруг полно было отдыхающих и пляжников. Дети все так же обливались талым мороженым, ларьки все так же торговали жвачкой, пивом и овощами, с неба жгло слепополуденное солнце, а Сашке сделалось холодно до инея в животе. Сама не зная, откуда страх и почему она так боится темного человека, Сашка рванула вверх по улице так, что только босоножки застучали, а прохожие шарахнулись с пути.

Задышавшись и не смея оглянуться, она вбежала во двор с «павлиновыми» деревьями. Заскочила в подъезд и позвонила. Мама долго не открывала дверь, внизу, в подъезде, хлопнула створка, послышались шаги по лестнице...

Мама наконец отперла. Сашка вскочила в квартиру, едва не сбив ее с ног. Захлопнула дверь и заперла на замок.

– Ты что?!

Сашка прильнула к глазку. Искривленная, как в кривом зеркале, показалась соседка с кульком алычи, миновала второй этаж, двинулась выше на третий...

Сашка перевела дух.

– Что случилось? – с тревогой спросила мама.

– Да так, – Сашке уже было стыдно. – Привязался тут один...

– Кто?!

Сашка взялась объяснять. История с темным человеком, будучи рассказанной внятно, оказалась не то что не страшной – дурацкой совершенно.

– Вишню ты не купила, – подытожила мама.

Сашка виновато пожала плечами. Надо было взять кулек и вернуться на базар, но при мысли о том, чтобы открыть дверь и выйти опять во двор, жалобно подрагивали поджилки.

– Новые новости, – вздохнула мама.

Взяла у Сашки сумку и деньги и молча ушла на базар.

* * *

На другой день утром, по дороге на море, Сашка опять увидела темного человека. Он стоял у киоска турфирмы, будто изучая маршруты и цены, а на самом деле наблюдая за Сашкой из-за непрозрачных темных очков.

– Ма... Смотри...

Мама проследила за Сашкиным взглядом. Подняла брови:

– Не понимаю. Стоит себе мужичок. Ну и что?

– Ты в нем ничего особенного не видишь?

Мама шла, как ни в чем не бывало, с каждым шагом приближаясь к темному человеку. Сашка замедлила шаг.

– Я на ту сторону перейду.

– Ну, перейди... По-моему, тебе солнце голову напекло капитально.

Сашка пересекла полосу мягкого асфальта с отпечатками покрышек. Мама прошла мимо темного человека, он даже не глянул на нее. А смотрел на Сашку и только на Сашку. Провожал ее взглядом.

На пляже они взяли шезлонг, поставили на обычном месте, но Сашке впервые не хотелось купаться. Ей хотелось вернуться домой и запереться в квартире... Хотя дверь-то в квартире фанерная, иллюзия, можно сказать, обшитая старым дерматином. Уж лучше здесь, на пляже, гделюдно и шумно, где покачиваются у берега плавучие матрасы, малыши с надувным кругом на поясе стоят по колено в воде, а круг в виде лебедя с длинной шеей, и ребенок сжимает белое податливое горло...

Мама купила пахлавы у разносчицы в белом фартуке. Сашка долго облизывала сладкие липкие руки, потом пошла к морю – сполоснуть. Вошла в воду, не снимая пластиковых шлепанцев. Красный буюк, знак совершенства на полпути к горизонту, едва покачивался на воде, отражал солнце матовым боком. Сашка улыбнулась, сбрасывая тревогу. В самом деле, смешная история. Чего ей бояться? Через неделю она уедет домой, и вообще. Что он ей сделает?

Она вошла поглубже, сняла шлепанцы и забросила на берег, подальше, чтобы не утащило случайной волной. Нырнула, проплыла несколько метров под водой, вынырнула, фыркнула, засмеялась и рванула к буйку – оставляя сзади берег, гомон, торговку пахлавой, страх перед темным человеком...

А днем оказалось, что забыли купить масло, и рыбу не на чем жарить.

* * *

Покачивались розовые цветы на «павлиновых» деревьях. Дальше, в кустах, тоже что-то цвело и пахло, привлекая пчел. На скамейке дремала старушка. Мальчишка лет четырех возил мелкими по бетонной бровке тротуара. По Улице, Ведущей к Морю, текла обычная пестрая толпа.

Сашка вышла на улицу и опять огляделась. И рысью, чтобы побыстрее управиться, рванула в магазин.

– Женщина, вы последняя? Я за вами буду...

Очередь двигалась не быстро, но и не медленно. До прилавка оставалось три человека, когда Сашка почувствовала взгляд.

Темный человек возник в дверях магазина. Шагнул внутрь. Минуту очередь, подошел к прилавку. Остановился, будто разглядывая ассортимент. Глаза, скрытые очками, сверлили Сашку. Просверливали насквозь.

Она не двинулась с места. Сперва потому, что ноги прилипли к полу. Потом – подумав и осознав, что здесь, в магазине, ей ничего не грозит. Ей вообще ничего не грозит... А все бросать, выбираться из очереди, бежать домой – глупо. В подъезде он ее и настигнет.

Вот разве что покричать маме со двора... Пусть выглянет в окно...

И что?!

– Девушка, вы берете?

Она попросила масло. Расплачиваясь, рассыпала мелочь. Старичок, стоявший за ней, помог собрать монеты. Может быть, попросить у кого-то помощи?

Темный человек стоял у прилавка и смотрел на Сашку. От его взгляда у нее мысли путались в голове. Позор, но все сильнее хотелось в туалет.

Закричать «Помогите?»

Никто ничего не поймет. Никто не знает, почему Сашка испытывает такой ужас перед этим обыкновенным, в общем-то, человеком. Ну, бледное лицо... Ну, темные очки... Что же с ней происходит, когда он вот так смотрит на нее из-под непрозрачных стекол?!

Зажав в кулаке сумку с пакетом сливочного масла и бутылкой подсолнечного, Сашка пошла к выходу из магазина. Человек двинулся за ней, будто не собираясь ничего скрывать. Не притворяясь. Деловито и целенаправленно.

Переступив порог, она сорвалась с места, как спринтер. Взлетели из-под ног серые голуби. Перебежав через дорогу, Сашка кинулась, только ветер в ушах, к дому, к маме, в знакомый двор...

Двор оказался незнакомым. Сашка оглянулась – «павлиновые» деревья цвели, как всегда, и бордюр был размалеван мелками, но вход в подъезд был совсем другой, скамейка стояла не так. Может быть, это другой двор?!

Темный человек не бежал – он просто быстро шел, с каждым шагом приближаясь, кажется, на полтора метра. Сашка, обезумев от страха, кинулась в подъезд... этого ни в коем случае нельзя было делать, Сашка знала – но побежала все равно. Внизу хлопнула створка. Сашка бросилась по ступенькам вверх, но этажей было всего пять. Лестница заканчивалась тупиком закрытых дверей. Сашка кинулась звонить в чью-то квартиру, звонок отдавался – дидон – внутри, но никто не открывал. Пусто.

Человек уже стоял рядом. Перегораживая лестницу. Перегораживая путь к отступлению.

– Это сон! – крикнула она первое, что пришло на ум. – Я хочу, чтобы это был сон!

И проснулась на раскладушке, вся в следах, с отдавленным о подушку ухом.

* * *

– Приснится же такое...

Они вышли из дома, как обычно, около восьми. На углу купили йогурт. Сашка, будто ненароком, выманила маму на другую сторону улицы – противоположную той, где туристическое агентство.

И оказалась права. Темный человек стоял возле большого рекламного плаката с фотографией Ласточкиного Гнезда. Из-под непроницаемых очков следил за Сашкой.

– Я так больше не могу... Это какой-то психоз...

– Да что такое?

– Вон он опять стоит, смотрит...

Сашка не успела удержать маму. Та решительно свернула и пересекла улицу, и подошла прямо к темному человеку, и о чем-то с ним заговорила; человек отвечал, не сводя глаз с Сашки. Хотя лицо его было повернуто к маме, и губы шевелились естественно и даже приветливо... если бывают приветливые губы...

Мама вернулась, одновременно довольная и злая.

– Успокойся, это такой же отдыхающий, как ты. Не понимаю, чего тебе от него надо... Он из Нижневартовска. У него аллергия на солнце.

Сашка промолчала.

В обед, возвращаясь с моря, они зашли на базар, и Сашка сама внимательно проследила, чтобы не пропустить ни одной покупки. Явившись в пустую квартиру, по очереди приняли «душ» из ковшика с тазиком (воды, как обычно днем, не было) и взялись стряпать...

Вот тут и оказалось, что кончилась соль.

* * *

Темный человек сидел на скамейке у выхода со двора. Сашка увидела его, едва выглянув из подъезда.

Вернулась обратно.

Рыжий кот с рваным ухом доедал сметану из кем-то оставленной плошки. Чавкал. Облизывался. Дико смотрел на Сашку желтым глазом и снова вылизывал посудину.

Сашка стояла, не зная, что делать. Возвращаться? Идти, как ни в чем не бывало? Психоз...

В подъезде потемнело. Человек в синей кепке стоял у входа, закрывая свет.

– Александра...

Она дернулась, будто ее шандарахнуло током.

– Надо поговорить. Можно, конечно, так бегать до бесконечности, но в этом нет ни радости, ни смысла.

– Вы кто? Откуда меня знаете?

Она тут же вспомнила, что мама много раз называла ее по имени – на улице, на пляже. Ничего удивительного, что он знает ее имя. Захотел – и узнал.

– Давайте сядем на лавочке и поговорим.

– Я не собираюсь ни о чем с вами... Если вы не перестанете ходить за мной, я позову... я обращусь в милицию!

– Саша, я не убийца и не грабитель. У меня к вам серьезный разговор. Определяющий всю вашу жизнь. Лучше будет, если вы меня послушаете.

– Я не собираюсь. Уходите!

Она повернулась и кинулась вверх по лестнице. К черной дерматиновой двери с номером «двадцать пять».

На втором этаже все двери были рыжие. С тусклыми стеклянными табличками, и на них совсем другие номера. Сашка обомлела.

За спиной негромко звучали шаги. Темный человек поднимался по лестнице.

– Я хочу, чтобы это был сон! – крикнула Сашка.

И проснулась.

* * *

– Мама, какое сегодня число?

– Двадцать четвертое. А что?

– Но ведь вчера же было двадцать четвертое!

– Вчера – двадцать третье. Так всегда на отдыхе – числа путаются, дни недели забываются...

Они спустились во двор, в безветренное и белое, будто молоко, душистое утро. «Павлиновые» деревья стояли неподвижно, как две розовые горы с цветущими на них абрикосами. Веселая толпа пляжников текла вниз по Улице, Ведущей к Морю. Сашка шла, почти уверенная, что это снова сон.

У туристического киоска стояли, изучая маршруты и цены, молодые супруги. Их мальчишка – жвачка в зубах, колени в зеленке – примерял очки для подводного плавания. Темного человека не было нигде, но ощущение сна не проходило.

Они купили кукурузы. Сашка держала ее, теплую, пока мама вытаскивала из сарайчика и устанавливала на камнях прокатный шезлонг. Мягкий желтый початок пропитался солью, кукурузные зернышки, не успевшие огрубеть, таяли во рту. Огрызки сложили в полиэтиленовый кулек, и Сашка вынесла его к урне у входа на пляж.

Темный человек стоял далеко, в толпе. Смотрел на Сашку из-под непроницаемых очков.

– Я хочу, чтобы это был сон, – сказала Сашка вслух.

И проснулась на раскладушке.

* * *

– Мама, давай сегодня уедем.

Мама от удивления чуть не выронила тарелку:

– Как? Куда?!

– Домой.

– Ты же так рвалась... Тебе что, здесь не нравится?

– Я хочу домой.

Мама пощупала Сашкин лоб.

– Ты серьезно? Почему?

Сашка неопределенно пожала плечами.

– У нас билеты на второе число, – сказала мама. – Брала за месяц. И то достались боковые. И за квартиру у нас заплачено по второе. Саш, я не понимаю, ты же радовалась...

У нее было такое растерянное, такое огорченное и беспомощное лицо, что Сашке стало стыдно.

– Да ничего, – пробормотала себе под нос. – Это я так.

Они спустились во двор. «Павлиновые» деревья разливали запах над песочницей и скамейками, над чьими-то старыми «Жигулями». Вдоль по Улице, Ведущей к Морю, топали, как на демонстрацию, отдыхающие с надувными матрацами наперевес. И продолжалось спокойное, жаркое, размеренно-курортное утро двадцать четвертого июля.

У туристического киоска не было никого. Рядом, в кафе под чахлыми пальмами, компания ребят пила пиво и громко спорила, куда поехать. Все они были загорелые и длинноногие, и парни, и девушки. Все в шортах. Все с полупустыми рюкзаками на прямых спинах. Сашке захотелось уехать с ними. Нацепить рюкзачок, зашнуровать кроссовки и рвануть по пыльным дорогам Крыма – где автостопом, где пешком...

Они с мамой прошли мимо. Купили пирожков. Установили шезлонг, уселись на него боком с двух сторон. Море чуть-чуть волновалось, красный буюк подпрыгивал, в отдалении трещали моторами водные скутеры. Сашка жевала пирожок, не чувствуя вкуса. Может быть, все обойдется, темный человек больше не придет никогда, а завтра наступит, наконец, двадцать пятое?

После обеда мама прилегла вздремнуть. В комнате было душно, солнце, склоняясь на запад, пробивало навывлет закрытые шторы, когда-то зеленые, а теперь выгоревшие до грязно-салатного оттенка. Явились соседи, весело переговаривались на кухне, лили воду из бака и звенели посудой. Сашка сидела с книгой на коленях, смотрела на серые строчки и ничего не понимала.

Оглушительно тикал железный будильник на тумбочке. Отсчитывал секунды.

* * *

– Так все-таки поговорим, Саша?

Был вечер. Мама стояла, опершись о балюстраду, и живо беседовала с мужчиной лет сорока, светловолосым и белокожим, видно, только что прибывшим на курорт. Мама улыбалась, и на щеках у нее появлялись ямочки. Особенная улыбка. Сашке мама улыбалась по-другому...

Сашка ждала на скамейке под сенью акации. Между ней и художником, пристроившимся на другом конце скамейки, секунду назад уселся темный человек. Даже южные сумерки не заставили его расстаться с непроницаемыми очками. Сашка чувствовала взгляд из-за черных стекол. Из полной темноты.

Можно было, наверное, позвать маму. Или просто закричать: «Помогите!» Или сказать себе – «это сон». И это будет сон. Бесконечный.

– Чего вы... чего вам от меня надо?!

– Я хочу дать вам поручение. Не сложное. Я никогда не требую невозможного.

– Какое вы... при чем тут...

– А поручение такое: каждый день, в четыре утра, вы должны быть на пляже. Голышом войти в воду, проплыть сто метров и коснуться буйка. В четыре утра на пляже никого нет, темно и некого стесняться.

Сашка сидела, будто прибитая мешком. Он сумасшедший? Или сумасшедшие они оба?

– А если я не буду? С какой это стати...

Черные очки висели перед ее лицом, как две дыры, ведущие в никуда.

– Вы будете, Саша. Вы будете. Потому что мир вокруг вас очень хрупкий. Каждый день люди падают, ломают кости, гибнут под колесами машин, тонут... Заболевают гепатитом и туберкулезом. Мне очень не хочется вам об этом говорить. Но в ваших интересах – просто сделать все, о чем я вас прошу. Это несложно.

Мама у балюстрады смеялась. Обернулась, помахала рукой, что-то сказала собеседнику – видно, разговор у них зашел о ней, о Сашке.

– Вы маньяк? – спросила Сашка с надеждой.

Черные очки качнулись.

– Нет. Давайте сразу отбросим костыли: вы здоровы, я не маньяк. У вас есть выбор: до конца дней болтаться между страшным сном и кошмаром наяву. Или взять себя в руки, спокойно сделать то, о чем вас просят, и жить дальше. Вы можете сказать – «Это сон», и снова проснуться. И наша встреча повторится опять – с вариациями... Только зачем?

По набережной прогуливались люди. Мама вдруг воскликнула: «Смотрите! Дельфины!» и махнула рукой по направлению к морю, ее собеседник разразился серией удивленных междометий, прохожие остановились, высматривая что-то на синей простыне, и Сашка тоже разглядела далекие черные фигуры, похожие на опрокинутые скобки, которые то взлетали над морем, то снова исчезали.

– Так мы договорились, Саша?

Мама болтала, глядя на дельфинов, и собеседник внимал ей, кивая. Блестели зубы, горели мамины глаза, Сашка вдруг увидела, какая она молодая. И какая – в этот самый момент – счастливая...

– Завтра утром ваш первый рабочий вылет, – темный человек усмехнулся. – Только запомните: каждый день, в четыре утра. Поставьте будильник. Это очень важно для вас – не проспать и не опоздать. Постарайтесь. Хорошо?

* * *

Сашка лежала без сна. Ворочалась на раскладушке. Шторы были раздвинуты, окно открыто настежь, там, во дворе, пели соловьи и гремела в отдалении дискотека. Замолчала в половине второго.

Прошла по улице шумная компания. Стихли голоса.

Проревели один за другим три мотоцикла. Сработала сигнализация у машины во дворе. Проснулась мама, поворочалась на диване, заснула опять.

В три часа Сашка начала задремывать. В полчетвертого подпрыгнула, будто ее толкнули. Вытащила из-под подушки будильник. Короткая черная стрелка – часовая – минут через десять должна была слиться с желтой стрелкой звонка.

Сашка придавила кнопку. Провернула желтую стрелку назад. Будильник тренькнул пружиной и обмяк.

Сашка встала. Надела купальник, натянула сарафан. Взяла ключи и тихонько, чтобы не разбудить маму, вышла из комнаты. Завернула на пустую кухню, прокралась на балкон, сняла с веревки пляжное, пахнущее морем, еще не просохшее полотенце. И так, с полотенцем в одной руке и ключами в другой, выбралась на лестницу.

Горела лампочка. Снизу поднимались, шикая друг на друга, соседи-влюбленные. Увидев Сашку, уставились на нее в четыре удивленных глаза:

– Что случилось-то?

– Ничего, – Сашку трясло, зуб на зуб не попадал. – Исккупаться хочу. На рассвете.

– Во, молодец! – восхищенно признал парень.

Сашка дала им пройти. Быстрым шагом вышла из дома. Наверное, сейчас уже без пятнадцати четыре. Она опаздывала.

На пустой улице еще горели фонари. Сашка побежала – бежать вниз оказалось неожиданно легко, она согрелась и больше не тряслась. Темное небо светлело. Рысью проскочив мимо решетки платного пляжа, Сашка выбежала на свой, привычный, совершенно безлюдный. Белели пластиковые стаканчики в куче мусора. Светились окна в ближайшем пансионате – пять или шесть окон на весь фасад. У входа в главный корпус висели часы. Показывали без трех минут четыре.

Сашка сбросила сарафан. Оступаясь на гальке, вошла в прибой. Стоя в воде по шею, расстегнула лифчик, свернула комком. Избавилась от плавок. И, держа купальник в правой руке, поплыла к буйку.

В мутном свете он казался не красным, а серым. Сашка хлопнула ладонью по железному боку. Бук ответил гулким эхом. Сашка оглянулась на берег – там не было никого. Ни одной души.

Она поплыла обратно. От холодной воды вернулся озноб. Едва нащупав ногами камни, встала, балансируя в волне, и поняла, что распутать мокрые тряпочки и веревочки, в которые превратился скомканный купальник, не может.

Тогда, всхлипнув, Сашка швырнула комок выгоревшей ткани на берег, на гальку. Встала на четвереньки и так, то на двух, то на четырех, рванула к полотенцу.

Завернулась в него и огляделась снова.

Никого. Ни души. Море играет брошенным купальником, и с каждой минутой становится все светлее. В парке поют соловьи.

Подобрав купальник, сарафан и босоножки, Сашка проковыляла к синей кабинке для переодевания. Растерлась полотенцем – и неожиданно обрадовалась. Расправила плечи. Кожа горела, наливаясь изнутри, как шкурка спелого яблока. Уже без спешки Сашка оделась, обнулась, нащупала ключи в кармане сарафана. Выкрутила купальник, вышла из кабинки и почти сразу согнулась пополам от рвотного спазма.

Упала на четвереньки, и ее вытошнило на гальку. Выплеснулась вода, и вместе с ней – желтоватые кругляшки. Звякнули о камень. Сашка откашлялась, продышалась. Рвота ушла так же неожиданно, как началась. На гальке лежали три тусклые золотые денежки.

* * *

Дома, запершись в ванной, она рассмотрела монеты. Три одинаковых кругляша, на одной стороне незнакомый знак, состоящий из округлых переплетающихся линий. Не то лицо. Не то корона. Не то цветок; чем дольше Сашка смотрела – тем объемнее казался значок, будто выступал, приподнимался над плоскостью монеты.

Она протерла глаза. На реверсе имелся гладкий овал – не то «О», не то ноль. Пробы, разумеется, не было, а Сашка не была особенным знатоком драгоценных металлов, но в том, что монеты золотые, почему-то сомнений не возникало.

По Улице, Ведущей к Морю, шли первые прохожие. Было около шести утра. Сашка легла на раскладушку, укрылась с головой одеялом и, зажав монеты в руке, снова задумалась.

Немного саднило горло. Тошноты больше не было. Можно, конечно, допустить, что Сашку вывернуло от вчерашней пахлавыв, а монеты просто лежали на гальке. А человек в темных очках – маньяк, сложным и странным образом добывающий возможность посмотреть на голую девушку. В полутьме. Рано утром.

Она плотно зажмурила воспаленные глаза. Нет. Нельзя допустить. Сашку вынесло, вымыло из привычного мира в нереальный. Если верить книжкам, это случается с людьми, и даже не очень редко.

Или это все-таки сон?

Она заснула неожиданно для себя. И когда проснулась – было обыкновенное позднее утро двадцать пятого июля. Мама явилась с кухни, вытирая руки полотенцем, поглядела на Сашку с беспокойством:

– Ты что, ходила куда-то?!

– Купалась.

– С ума сошла?

– Почему? – возразила Сашка хрипло. – Знаешь, как здорово. На рассвете. Никого нет...

– Это опасно, – сказала мама. – И почему ты меня не предупредила?

Сашка пожала плечами под одеялом.

– Нам надо идти, – сказала мама. – Уже почти девять. Пошли скорее на пляж.

Сашка прерывисто вздохнула.

– Ма... а можно, я... полежу пока? Я плохо спала, вообще-то.

– Ты не заболела? – мама привычно положила ладонь на Сашкин лоб. – Нет, температуры нет... Доиграешься с этими ночными купаниями, весь отдых будет испорчен.

Сашка не ответила. Сжала в кулаке монеты, так что они впились в ладонь.

– Я там яйца сварила, – сказала мама озабоченно. – Возьми майонез в холодильнике... Эти красотки, соседи, полбаночки нашего майонеза уже схрупали, ну ладно, на здоровье, как говорят.

Она продолжала вытирать полотенцем сухие руки.

– Я договорилась на пляже встретиться с Валентином, неудобно, знаешь, не появиться, я вчера обещала, что мы придем...

Сашка вспомнила вчерашний день. Валентином звали маминого собеседника, светловолосого и белокожего, который так живо наблюдал за далеким парадом дельфинов. Помнится, мама представила ее своему новому знакомому: «Это – Александра». Какая-то особенная значительность была в мамином голосе, но Сашка тогда не обратила внимания. Темный человек поднялся со скамейки и ушел, оставив поручение – и страх. Сашке было холодно посреди теплого, даже душного вечера. Сладко пахли цветы на клумбе... У Валентина был приятный одеколон, тонкий и терпкий. Сашка помнила запах, но не помнила лица.

– Ну иди, – Сашка подтянула одеяло. – Я немного поваляюсь... и тоже к вам приду.

– Будем на прежнем месте, – быстро сказала мама. – Яйца на столе... Ну, я пошла.

И, подхватив уже собранную сумку, поспешила к двери. На пороге обернулась:

– Будешь идти, купальник не забудь! Он на балконе сохнет...

И вышла.

* * *

Когда Сашка проснулась во второй раз, железный будильник показывал половину двенадцатого. На пляже в это время жара, толпа, и море кипит от купающихся тел, будто суп с клецками. Поздно идти на море... или рано. Как посмотреть. Вот часика в четыре...

Она поразилась таким простым, таким будничным мыслям. Поднесла к глазам ладонь с монетами. Пока она спала, ладонь не разжималась – кругляши отпечатались на влажной коже. Сашка осторожно переложила их из правой руки в левую.

Что с ними делать? Сохранить, выбросить?

Звонок в дверь заставил ее дернуться. Одна монета соскользнула с ладони и укатилась под раскладушку. Нервничая, Сашка нащупала ее на пыльном ковре, набросила мамин ситцевый халат, вышла в темную прихожую.

– Кто там?

Теоретически это могла быть мама. Или, к примеру, почтальон. Или...

– Это я. Открывайте.

Сашка отпрыгнула.

Во всей квартире пусто – соседи на пляже. Дверь заперта... тонкая дверь из прессованных опилок, обитых дерматином.

Монеты прилипли к мокрой ладони. Удерживая их в кулаке, Сашка одной рукой отперла дверь – получилось не сразу.

– Добренький денечек, – человек в непроницаемых очках шагнул через порог. – Я ненадолго. Идемте на кухню.

И прошел по коридору сам, первый, будто много раз бывал в этой квартире, будто был ее хозяином. Впрочем, дом-то типовой, типовее некуда...

Сашка пошла за ним, как привязанная.

– Сядьте, – человек выставил табурет на середину кухни. Сашка села – у нее подкосились ноги. Темный человек уселся напротив:

– Монеты?

Сашка разжала кулак. Три золотых кругляшка лежали на красной ладони – влажные, в капельках пота.

– Очень хорошо. Оставьте себе. Сохраните, пожалуйста, все до одной. Все, которые будут. Не надо мучиться с купальником – входить в воду нужно голышом, не страшно, никто не смотрит. Продолжаем купаться без пропусков и опозданий. Завтра. Послезавтра. Через два дня.

– Я второго числа уезжаю, – сказала Сашка и сама поразилась, как тонко и жалобно прозвучал ее голос. – Я... у меня билеты на поезд. Я ведь не здесь живу, я...

Она была совершенно уверена, что темный гость велит ей поселиться в поселке на веки вечные и входить в воду в четыре утра и в январе, и в феврале, и до самой старости.

– Я же сказал, что не потребую ничего невозможного, – он медленно растянул губы, и Сашка с удивлением поняла, что он усмехается. – Второго числа на рассвете искупаетесь. А после завтрака уедете.

– Можно?!

– Можно, – человек поднялся. – Не проспите.

И зашагал к двери.

– А зачем это вам надо? – шепотом спросила Сашка.

Но ответа не услышала.

* * *

– Ты куда? – мама приподнялась на локте.

– Купаться.

– С ума сошла? А ну ложись сейчас же!

Сашка перевела дыхание:

– Ма, мне очень нужно. Я закаляю волю.

– Чего?

– Ну, закаляю волю. Тренирую. По утрам... Прости, я опаздываю.

Задышавшись, она выбежала на пляж. Нервно оглянулась – ни души, даже окна пансионата не светятся. Сбросила сарафан, комкая, стянула белье, кинулась в воду и поплыла кролем, будто пытаюсь вырваться из собственной кожи.

Не хватало дыхания. Сашка перешла на «пляжный брасс», сильно загребая ногами, высоко поднимая подбородок.

Плыть было приятно. Раньше она никогда не купалась голышом и не предполагала, что это так здорово. Холодная вода покалывала иголочками, согревала и согревалась. Сашка двумя руками ухватилась за буюк и замерла, покачиваясь, невидимая с берега.

А может быть, обратно не возвращаться? Рвануть дальше, через все море, в Турцию...

Она перевернулась на спину и, лениво взмахивая руками, поплыла к берегу. Редкие утренние звезды растворялись медленно, как крупинки сахара в холодной воде.

Сашка растерлась полотенцем и оделась в кабинке. Вышла, прислушалась к себе – ничего не происходило. Она зашагала к выходу из пляжа; ее скрутило напротив сарайчика с лежаками, запертого на всякий замок. Закашлявшись и схватившись за горло, Сашка извергла из себя четыре золотых монеты.

* * *

На третье утро купаний ее вырвало уже в квартире, в ванной. Монеты звякнули о чугун. Сашка трясущимися руками собрала их, рассмотрела – точно такие же, с округлым «объемным» значком. Достоинством в ноль копеек... Она криво улыбнулась своему отражению в зеркале. Спрятала монеты в карман халата. Умылась и вышла.

Мама накручивала волосы на бигуди. Смысла в этом не было: все равно в воде завивка разойдется, но теперь мама тратила кучу времени на бигуди, на макияж, на выглаживание юбок и теннисок.

– Ты не против, если мы с Валентином завтра вечером заведемся в кафе? Вдвоем?

Мама задавала вопрос, старательно отводя глаза.

– Ты можешь сходить в кино... Что там идет, в кинотеатре на набережной?
– Не знаю, – Сашка перебирала монеты в кармане. – Идите. Я дома почитаю.
– Вот как быть с ключами? – Сашкина покладистость явно обрадовала маму, у нее будто гора с плеч свалилась. – Если я вернусь поздно... Не хотелось бы тебя будить... Но если забирать ключи – вдруг ты захочешь прогуляться?
– Бери ключи. Я почитаю, – повторила Сашка.
– Но свежий воздух...
– Я сяду на балконе. Возьму настольную лампу.
– Хоть завтра, может быть, ты захочешь на дискотеку?
– Нет.

Днем Валентин повел их обедать в ресторан. Был он приличный дядька, остроумный, обаятельный; Сашка смотрела, как радуется мама, и мысленно считала дни: сегодня двадцать седьмое. Осталось пять дней... Вернее, четыре, на пятый мы уезжаем. И все кончится. Я все забуду. Еще пять раз...

Она искупалась на следующее утро и на следующее, а потом проспала.

* * *

Проснувшись от солнца. Солнце било в незакрытое окно, мамина постель была пуста, будильник, вывернувшись из-под подушки, лежал не ковре.

Не веря себе, Сашка взяла его в руки. Желтая стрелка на половине четвертого... Пружина спущена... Почему он не зазвонил?!

– Мама! Ты трогала будильник?!

Мама, добродушная, свежая после душа, принесла в комнату кофе на подносе.

– Не трогала... Он упал, я его не поднимала... Еще хозяйка придерется... Не переживай, ты не выспалась в последние дни, надо же выспаться на отдыхе... Да что с тобой?

Сашка сидела на краю раскладушки, опустил плечи и четко осознавая, что случилось ужасное. Непонятное, необъяснимое, неизвестно чем грозящее – и оттого страшное втрое.

* * *

Темный человек стоял у туристического бюро. Разглядывал фотографию Ласточкиного Гнезда. Сашка замедлила шаг. Мама обернулась.

– Ты иди, – сказала Сашка. – Я догоню.

В другой ситуации мама, наверное, взялась бы возражать и расспрашивать. Но Валентин, наверное, уже взял напрокат шезлонги; мама кивнула, сказала «Не задерживайся» и зашагала вниз, к пляжу.

Под утренним солнцем размякал асфальт. Покрышки легковушек и грузовиков отпечатывались в лужице черного машинного масла, оставляли на проезжей части фигурные следы.

– У меня будильник не зазвонил, – сказала Сашка, сама не понимая, за что извиняется и перед кем. – Он упал...

Сквозь черные очки не было видно глаз. И в стеклах не отражалось ничего. Как будто они были бархатные. Темный человек молчал.

– У меня будильник не зазвонил!

Сашка вдруг разревелась прямо на улице. От страха, от неизвестности, от нервного напряжения последних дней. Прохожие поворачивали головы, смотрели на рыдающую девушку. Сашке казалось, что она нырнула глубоко в море и сквозь толщу воды видит белесые лица глубоководных рыб.

– Очень плохо, но не ужасно, – наконец сказал человек в черных очках. – В конце концов, даже полезно – научит тебя дисциплине. Второй такой промах обойдется дороже, и не говори, что я не предупреждал.

Он повернулся и пошел прочь, оставив Сашку реветь возле киоска и мотать головой на участливые вопросы прохожих. Забившись на парковую аллею, почти пустую в этот час, и нащупав на дне сумки носовой платок, она наконец-то смогла подобрать соплю, но успокоиться так и не сумела.

Ее собственные темные очки, прошлогодние, с тонкими дужками, скрыли красноту глаз и опухшие веки. Надвинув кепку низко на лоб, Сашка шагала вниз по улице, не глядя на людей, не поднимая глаз. Впереди семенила девочка лет четырех, топала красными сандаликами, держалась за руку матери...

У въезда на пляж стояла «Скорая». Сашка остановилась, влипнув подошвами в мягкий асфальт.

И почти сразу увидела маму. Мама ковыляла по гальке, накинув на плечи полотенце, рядом с носилками, на которых лежал очень бледный человек, в котором трудно было узнать веселого жизнелюба Валентина.

Сашка села на балюстраду.

Носилки погрузили в машину. Врач что-то отрывисто сказал маме, та закивала и что-то спросила. Врач помотал головой и влез в кабину. Машина, просигналив на толпу, отъехала, развернулась на пяточке перед пансионатом, двинулась вверх по Улице, Ведущей к Морю...

«Очень плохо, но еще не ужасно».

– Что с ним, мама?

Мама обернулась. В глазах ее были горе и паника.

– Больница номер шесть, – проговорила она, как заклинание. – Я сейчас... только переоденусь и надо ехать... Это инфаркт, Санечка, это инфаркт... Боже мой, Боже мой...

И, как слепая, двинулась сквозь толпу заинтригованных пляжников.

* * *

Мама ночевала в городской больнице. Почти все наличные деньги ушли врачам и медсестрам, и мама с почты позвонила сотруднице, чтобы та прислала еще перевод. Сашка провела ночь одна в комнате, без сна. На будильник надежды не было.

В три часа она вышла из дома. Где-то догуливали дискотеки, где-то светились огни кафе. Сашка спустилась к темному морю и села у воды прямо на гальку.

Далеко, почти у самого горизонта, шел теплоход. В палисадниках за Сашкиной спиной визжали цикады. Море полизывало пляж, стягивало с берега мелкие камушки и возвращало снова, шлифовало, натирая друг о друга. У моря было время. И терпения морю не занимать.

Без пятнадцати четыре Сашка стащила с себя одежду и вошла в воду, содрогаясь от холода. Поплыла, то и дело оборачивалась, будто ожидая, что вот-вот из воды поднимет голову неведомое чудовище в темных очках.

Хлопнула по буйку. Посмотрела на небо; там начинался рассвет. Посмотрела под воду – туда уходил, еле различимый, железный трос якоря.

Вернулась на берег, и, едва успев набросить на плечи полотенце, зашла в приступе рвоты. Пять монет вылетели одна за другой, оставив резь в горле и затихающие судороги в желудке. Раскатились на гальке, прячась в щели между камнями.

* * *

Мама вернулась после полудня, очень усталая и очень сосредоточенная. Валентину стало лучше – инфаркта все-таки не было, помощь подоспела вовремя, а потому никакой опасности пациенту больше не угрожало.

– Все будет хорошо, – повторила мама отрешенно. – Спать я хочу, Сашка, умираю просто... Если хочешь – иди на пляж сама. Я посплю.

– Как он там? – спросила Сашка. – Может, телеграмму каким-нибудь родственникам...

– Уже прилетели родственники, – все так же отрешенно сообщила мама. – Жена к нему прилетела из Москвы. Все будет хорошо... Ну, иди.

Сашка сняла купальник с веревки на балконе и вышла из дома. Идти на пляж ей не хотелось, и она отправилась бродить по парку, скудному, пыльному, но все-таки дававшему тень.

«Очень плохо, но не ужасно». Страх, потрясение, испорченный отдых... Но, с другой стороны, кто такой Валентин? Еще неделю назад – случайный мамин знакомый. Конечно, мама так радовалась, но ведь их отношения с самого начала были обречены. Пляжный роман...

Сашка села на скамейку. Узкая аллея была усыпана черными стручками акаций. Горечь и обида за маму разъедали, как кислота. Курортный роман, какая пошлость, да на что он рассчитывал... И зачем ему мучить приличную женщину, познакомился бы с девицей, каких полно здесь, сережка в пупке, и джинсы обрезаны выше попы...

Лучше бы он умер, подумала Сашка мрачно.

«Очень плохо, но не ужасно». А Сашка ведь поверила, что беда случится с мамой. Таким осязаемым было предчувствие. Страх... С тех пор, как она впервые увидела человека в темных очках, страх держит ее в горсти, как она сама держит монеты. Чуть отпустит – и сожмет... «Это научит тебя дисциплине». Да уж, научило. Теперь она безо всякого будильника будет вставать в полчетвертого. Или вообще не будет спать. Потому что был тот момент, была «Скорая» у входа на пляж, было чувство, что все пропало на свете, все-все-все...

Она перевела дыхание. Завтра утром она доплывет до буйка, и послезавтра, перед отъездом, тоже. А потом вернется в город и все забудет. Школа, будни, выпускной класс, репетиторы, поступление...

Она сидела на скамейке, разглядывая пригоршню монет на ладони. Двадцать девять штук – с одинаковым круглым знаком, с цифрой «ноль». Тяжелые и маленькие – диаметром, как старые советские копейки.

* * *

В поезде монеты рассыпались.

Сашка лежала на верхней боковой полке и смотрела в окно напротив. Карман джинсовых шортов оказался расстегнутым, монеты высыпались и раскатились с веселым стуком чуть не по всему плацкартному вагону. Сашка слетела с полки в одно мгновение.

– Ой! – сказала маленькая девочка, соседка из купе напротив. – Денежки!

Сашка, присев на корточки, собирала золотые кругляшки, выковыривала из-под чьих-то чемоданов, чуть не сбила с ног проводницу, разносившую чай.

– Поосторожнее, девушка!

Девочка подняла монетку и теперь с интересом разглядывала.

– Мама, это золото?

– Нет, – сказала ее мать, не отрываясь от книги. – Это такой сплав... Отдай.

Сашка уже стояла рядом с протянутой рукой. Девочка с неохотой вернула игрушку. Отвернувшись к окну, Сашка пересчитала монеты; их должно было быть тридцать семь, но насчитывалось тридцать шесть.

– Простите, вы монетку не видели?

В соседних купе покачали головами. Сашка метнулась по вагону – вперед-назад, снова чуть не врезалась в проводницу; на крайнем боковом месте, у выхода в тамбур, мужчина в сине-красном спортивном костюме задумчиво рассматривал округлый знак на аверсе. Если на него долго смотреть – он кажется объемным.

– Это моя, – Сашка протянула руку. – Я уронила.

Мужчина поднял голову. Глянул на Сашку оценивающе. Снова посмотрел на монету:

– Что это?

– Сувенир. Отдайте, пожалуйста.

– Интересно, – мужчина не торопился выполнять ее просьбу. – Где взяла?

– Подарили.

Мужчина хмыкнул.

– Слушай, я ее куплю у тебя. Десять долларов хватит?

– Нет. Она не продается.

– Двадцать долларов?

Сашка нервничала. К разговору прислушивалась женщина, сидевшая на соседнем боковом месте, за столиком напротив.

– Это моя монета, – сказала Сашка твердо. – Отдайте ее мне, пожалуйста.

– Был у меня знакомый, – мужчина перевел взгляд с Сашки на монету и обратно. – Черный археолог, двадцать лет ему. Тоже все копался в Крыму в каких-то ямах... Зарабатывал, помню. А потом его зарезали. Куда-то он сунулся, понимаешь, куда не следовало.

– Я ни в каких ямах не копалась, – Сашка смотрела на его ладонь. – Это мне подарили. Это мое.

Их взгляды встретились. Мужчина хотел что-то сказать, по-прежнему неторопливо и снисходительно, – но осекся. Сашка готова была в этот момент драться за монету, кричать, рыдать, скандалить, царапать ему лицо; наверное, эта ее готовность прочиталась во взгляде.

– Как хочешь.

Золотая кругляшка упала в протянутую Сашкину ладонь. Сашка судорожно сжала пальцы и так, задержав дыхание, вернулась в маме.

Та сидела на своем месте, безучастно глядя в окно и ничего вокруг не замечая.

* * *

Осень наступила в октябре, сразу и надолго. Красные кленовые листья прилипли к мокрому асфальту, как плоские морские звезды. Сашка жила между школой и курсами при университете: задавали очень много – конспекты, сочинения, контрольные. Ни на что другое не оставалось времени, занятыми оказались даже воскресенья, и это Сашку устраивало. Она обнаружила, что загруженный работой мозг наотрез отказывается верить в таинственных незнакомцев с их заданиями, в золотые монеты, являющиеся на свет из желудка. Даже море, доброе летнее море с красным буйком на волнах казалось нереальным, а уже все, связанное с ним – и давно.

И мама ожила. С окончанием лета закончилась и депрессия, тем более, что работы в их конторе было, как всегда, невпроворот. Обе они, запертые в ежедневной круговерти, запретили себе думать о несбыточном – каждая о своем. И до поры до времени это замечательно удавалось.

Потом пришло письмо из Москвы. Мама вытащила его из почтового ящика, долго вертела в руках, прежде чем открыть, потом все-таки распечатала и прочитала.

– Валик развелся с женой, – сказала, обращаясь к включенному телевизору.

– Ну и что? – грубовато спросила Сашка.

Мама сложила письмо обратно в конверт и ушла к себе в комнату. Сашка выключила телевизор и засела за учебник, по десять раз перечитывала параграф по истории – и не понимала ни слова. Поляне, древляне... Их проходили-то, кажется, в пятом классе, а вот поди ж ты – в программе есть...

А может быть, все обойдется? Мало ли какие отношения бывают у людей. Конечно, плохо, что он развелся с женой... И еще хуже, что пишет об этом...

Зазвонил телефон. Пытаясь думать о полянах и древлянах, Сашка взяла трубку.

– Алло?

– Добрый вечер, Саша. Это я.

Светила настольная лампа. Лил дождь за окном. Лежал раскрытый учебник. И все такое реальное, будничное. И – этот голос в трубке.

– Нет, – тихо сказала Сашка. – Вас...

У нее чуть было не вырвалось «Вас не бывает». Но она прикусила язык.

– Сколько монет?

– Тридцать семь.

– А сколько было?

– И было тридцать семь. Честное слово.

– Я жду внизу возле подъезда. Спустись на минутку.

И – короткие гудки в трубке.

Монеты хранились в старом кошельке, в глубине ящика стола за стопкой книг и конспектов. Сашка открыла старую железную молнию, высыпала содержимое на стол. Обмирая, пересчитала. По-прежнему тридцать семь.

Она положила кошелек в карман плаща. Сунула босые ноги в сапоги. Набросила плащ прямо поверх халата. Взяла зонтик, не успевший просохнуть. Сняла с вешалки ключи.

Дверь в мамину комнату оставалась закрытой.

– Я сейчас, – сказала Сашка в пространство. – Я... за почтой схожу.

Спустилась вниз по лестнице, не дожидаясь лифта. Сосед с пятого этажа входил в подъезд, весь мокрый, с огромной мокрой собакой на поводке.

– Здравствуйте, – сказала Сашка.

Сосед кивнул. Собака тряхнула мокрой гривой, рассыпая брызги.

Сашка вышла под дождь. Было уже темно, светились окна в соседних домах, кленовые листья лежали на черном глянцевом асфальте, будто цветные заплатки.

На мокрой скамейке сидел человек в темно-синем, как у Сашки, блестящем от дождя плаще. Черные очки он сменил на дымчатые, но темнота осеннего вечера делала их совершенно непроницаемыми.

– Привет, Саша. Испугалась?

Она не ждала такой ироничной, приятельской интонации. Сглотнула. Холодный ветер, пробравшись под наспех наброшенную одежду, лизнул голые колени.

– Давай деньги.

Она протянула ему монеты вместе с кошельком. Он взвесил мешочек на ладони, кивнул, спрятал.

– Хорошо. У меня есть для тебя задание.

Сашка разинула рот.

– Простое задание. Очень простое. Каждое утро, в пять утра, ты должна выходить в парк на пробежку. Беги, сколько сможешь – два круга по аллеям, три круга. Когда набегашься,

заберись в кусты погуще и помочись на землю. Лучше заранее напиться воды, чтобы не столкнуться с неожиданной проблемой... Только без пропусков. Каждое утро, в пять.

– Зачем? – шепотом спросила Сашка. – Зачем вам это надо?

Дождь катился по ее щекам, смешиваясь со слезами. Темный человек не ответил. На стеклах его очков лежали капли, отражали далекий свет фонарей, казалось, что глаза у незнакомца фасеточные:

– Раз в месяц тебе предоставляется отпуск на регулярные женские дни. Четыре дня... четырех дней хватит?

Сашка молчала.

– Следи за будильником. Если пропустишь или опоздаешь хоть раз, будет очень плохо. Последовательность действий нельзя нарушать: планируй заранее, пей воду.

– Всю жизнь? – вырвалось у Сашки.

– Что?

– Мне так... делать... бегать... всю жизнь?

– Нет, – кажется, человек удивился. – Я скажу, когда хватит. Ну, иди в дом, ты же замерзла.

Сашку трясло.

– Иди-иди, – сказал ее собеседник мягче. – Все будет хорошо... если ты, конечно, проявишь себя дисциплинированным человеком.

* * *

У входа в парк горел единственный фонарь. Под чугунным столбом, на котором когда-то висели часы, маячил старик-собачник – первый и единственный в это время прохожий. Посмотрел на Сашку равнодушно.

Она бежала сквозь льющую с неба воду. В центре парка была круглая клумба, дорожки вились вокруг нее кольцами, Сашка побежала по самой короткой. Не разбирая дороги, то и дело влетала в лужи: холодная вода взмывала из-под кроссовок, окатывала спортивные штаны до колен и выше. Сашка бежала, стиснув зубы. В животе у нее булькало почти так же, как под ногами: без малого литр воды был выпит перед выходом из дома. Сашка едва терпела. Один круг... Второй.

Она замедлила шаг. Остановилась. Во всем парке не было ни души. Сквозь наполовину голые ветки отсвечивал далекий фонарь. Ступая по мокрым листьям, Сашка забралась в кусты, осыпавшие ее градом капель, и, проклиная все на свете, исполнила последнюю часть ритуала. Горько сравнила себя с собакой, которую вывели на прогулку.

Поход в кусты принес ей облегчение – закономерное, учитывая количество жидкости, которое Сашка ухитрилась в себя влить. Отчаяние улеглось и даже слезы высохли. В половине шестого утра она отперла дверь квартиры своим ключом, в мокрых носках прокралась в ванную, спрятала костюм и раскисшие кроссовки в тайник под раковиной и встала под горячий душ.

Через минуту ее стошнило. Монеты вылетели на дно ванны, желтые кругляшки на белой эмали. Сашка умылась, перевела дыхание, собрала их на ладонь. Четыре монетки, с округлым знаком на аверсе и нулем на реверсе. С виду очень старые, как будто пролежали годы и годы в запертых сундуках, в неведомых кладках...

Через пятнадцать минут Сашка заснула в своей кровати, крепко и безмятежно, как давно не спала. И, когда через час с небольшим мама пришла будить ее в школу, сказалась больной и не стала подниматься.

* * *

...Да и зачем ей ходить в школу?

Днем позвонила репетиторша. Сашка соврала, что заболела. Репетиторша строго попросила впредь предупреждать – заранее.

Вечером планировались курсы в универе. Сашка не пошла. Лежала, забросив учебники, и думала.

Зачем все?

Мир устроен совсем не так, как она думала раньше. Видимая связь событий – закономерности, случайности, события и будни – не более чем ширма для другой жизни, невидимой и необъяснимой. Если существует на свете – действительно существует – человек в темных очках, если в его руках сон, явь, несчастные случаи... Зачем тогда ходить в школу, зачем поступать в институт? Если в один момент все может исчезнуть, разрушиться только потому, что у нее, у Сашки, не зазвонит вовремя будильник?

Вернулась с работы мама. Обеспокоенно о чем-то расспрашивала, мерила Сашке температуру, качала головой.

– Переучилась? Рановато, октябрь на дворе, учебный год только начинается. Я же говорила тебе: пойдешь погуляешь в воскресенье! Сходи в кино... Позвони одноклассникам, с кем-то ведь ты общаешься?

– Не волнуйся, – отвечала Сашка механически, как магнитофон. – Все будет хорошо.

И добавляла про себя: «Если я, конечно, проявлю себя дисциплинированным человеком».

Вечером она завела три будильника: свой, мамин электронный и еще один, старый, еще бабушкин. Целую ночь то засыпала, то просыпалась в холодном поту, смотрела на циферблаты – час ночи, без четверти два, полтретьего...

В половине пятого она испытала почти радость от того, что можно уже вставать.

* * *

В ноябре погода вдруг исправилась. Вернулось нежданное, условно-осеннее, но вполне осязаемое тепло. Каждый день выходило солнце – пусть ненадолго, зато от души. Листья высохли и шуршали под ногами. И пахли свежо и терпко, печально, но не без надежды.

Сашка просыпалась в половине пятого – за минуту до переключки будильников. Обезвреживала их один за другим, как мины. Натягивала теплый костюм, надевала куртку и шла в парк; за месяц пробежек она изучила дорогу в мельчайших деталях. Она знала, где выщерблен асфальт, где обычно собираются лужи, где склон, где ровное место. Бега по сухим аллеям, прыгая через кучи листьев, собранных дворниками, она успевала мысленно повторить английские диалоги и тексты, составить план на день или молча спеть песню, услышанную вчера по радио. Наматывая третий, четвертый круг вокруг клумбы, она знала наверняка, что ничего плохого ни с ней, ни с мамой сегодня не случится. В этом была горькая, отрешенная, осенняя радость.

«Отпускные» дни, проведенные без пробежек, неожиданно оказались самыми тяжелыми за последние недели. Сашка все равно просыпалась в половине пятого, лежала без сна до семи, слушала, как оживает дом, как грохочет баками мусоровоз, как работает лифт и переругиваются под окнами дворники. Ритуал был нарушен; Сашка казалось, что ее судьба натягивается, как нитка, трескается, высыхает и может вот-вот порваться. С каждым днем все более нервная, она едва дождалась того утра, когда можно было натянуть кроссовки и выйти, оставляя следы на заиндевевшей траве, в ноябрьское утро.

Потом приехал Валентин.

Сашка вернулась из школы – на минуту, забросить сумку, перекусить и бежать к репетиторше. Незнакомый человек сидел на скамейке у подъезда. Сашка сначала поздоровалась (на всякий случай она всегда здоровалась со всеми, кто здесь сидел), и только потом узнала белокожего, еще больше похудевшего знакомого.

– Привет, – сказал Валентин. – Я смотрю, у вас никого нет дома...

– Мама будет к шести, – сказала растерянная Сашка. – А я... это...

– Я подожду.

Была половина третьего. Сашка мельком глянула на часы. Потом на Валентина.

Надежды, что он уйдет, не было никакой. Надежды, что мама его прогонит... тоже, честно говоря, не было. Да и кто Сашка такая, чтобы решать мамину судьбу на свое усмотрение?

– Ей можно позвонить на работу, – сказала сухо. – И добавила запоздало: – Как здоровье?

* * *

Она проснулась в двадцать девять минут пятого. Выключила будильники. Прошлепала на кухню, выпила чая из термоса. Оделась. Вышла в коридор, заперла дверь.

Вчера вечером мама и Валентин сидели на кухне, о чем-то еле слышно переговариваясь. Сашка легла рано (теперь она всегда ложилась рано, сбивал с ног недосып), сунула голову под подушку, чтобы не услышать ни слова, даже случайно, зажмурила глаза и приготовилась провалиться в сон. Но сон не приходил. Сашка думала о жизни, как о коллекции одинаковых дней. Бытие состоит из дней, и каждый из них – как закольцованная лента, как велосипедная цепь, ровно бегущая по шестеренкам. Щелк – переключили скорость, дни стали немножко другими, но снова текут, снова повторяются, и в этой монотонности и заключается смысл...

Наверное, она засыпала. Никогда прежде такие мысли – наяву – к ней не приходили.

Давным-давно, когда Сашка была маленькой, ей хотелось найти себе папу. Не того, который ушел и живет где-то там, ни о чем не заботясь. Настоящего, который поселился бы с ними в одной квартире. Сашка беззастенчиво «сватала» маму за всех более-менее симпатичных дядек, и «жизнь при папе» представлялась ей сплошным праздником.

С тех пор прошли годы. У Сашки ныло сердце, когда она думала о маме и Валентине. Он обманул ее один раз – может обманывать и дальше. Мама это понимает. Но все равно говорит с ним на кухне за чашкой остывшего чая, они сидят, почти соприкасаясь головами, и говорят, хотя миновала уже полночь...

Ночью был мороз. Лужицы поблескивали; сквозь теплые носки, сквозь подошвы кроссовок Сашка чувствовала, какой холодной сделалась земля. Бежалось легко – давали себя знать каждодневные тренировки. У входа в парк горел один фонарь, маячил старик-собачник, Сашка кивнула ему, как давнему знакомому...

В парке кто-то был. Стоял на дорожке, переминаясь с ноги на ногу – в спортивном костюме и ветровке, в кроссовках, как и Сашка. Ей пришлось подойти почти вплотную, чтобы узнать его.

Это был Конь. Ванька Конев, ее одноклассник.

– Привет. Побежали?

Сашка ничего не сказала. Конь пристроился рядом, почти дотрагиваясь рукавом ее рукава. Когда ткань их курток все-таки соприкасалась, получался резкий шелестящий звук: вжик-вжик.

Сашка бежала, привычно огибая лужи. Иван два раза поскользнулся, один раз проломил тонкий лед и вляпался в воду. Но не отставал.

– Ты каждый день бегаешь? – спросил, задыхаясь на бегу. – У меня дед, ну, у него бессоница, он собаку выгуливает, говорит: девчонка из вашего класса каждый день гоняет, как сумасшедшая, в пять утра... Ой!

Он споткнулся о выступающий корень и чуть не упал.

– Ты спортом занялась? Что-то я не замечал за тобой... Или волю тренируешь?

– Тренирую.

– Я так и подумал почему-то... – они пробежали всего два круга, но Иван уже запыхался.

– А ты? – соизволила спросить Сашка. – Ты что тренируешь?

– Тоже волю, – серьезно ответил Конь. – Лежал бы сейчас в постельке, дрыхнул бы...

Он замедлил шаг.

– Может, хватит?

Сашка остановилась.

Небо было усыпано звездами, яркими, как подсвеченные прожектором стразы. Иван раскраснелся, тяжело дышал, смотрел нахально и весело.

– Странная ты, Самохина. Вещь в себе. Человек в футляре. Теперь еще бегаешь. Дед говорит – каждый день, в пять утра... Может, ты закодированная принцесса?

Он говорил, чуть усмехаясь, нервничал и боялся показаться смешным. Он сам был «вещь в себе», мальчик, нацеленный на успех. Победитель олимпиад и пожиратель фантастики, скуластый, с темными выющимися волосами, в рубашках, всегда тщательно выглаженных матерью и сестрой, щеголь, в шестнадцать лет умеющий повязывать галстук тремя способами...

Сашка смотрела на него и думала только об одном: сейчас ей надо пойти в кусты. Немедленно. Иначе ритуал будет нарушен, да и до дома она, если честно, уже не дойдет.

– Конь, подожди меня у входа.

Он не понял. Продолжал говорить, лукаво улыбаясь в полумраке, нес ерунду про закодированную принцессу и о том, что ее необходимо раскодировать.

– Конь, иди и подожди меня! Я сейчас приду!

Он не понимал. Идиот. Самодовольный болтун. Время шло, пробежка закончилась, но ритуал не был завершен.

– Мне надо в кусты! – выкрикнула Сашка. – Пописать мне надо, понял?

Когда Сашка вышла из парка, у входа никого не было. Ни старичка с собакой, ни Конева. Только цепочки следов тянулись по заиндевелой траве.

* * *

Валентин уехал. Сашка понадеялась – навсегда, но не тут-то было. Новый год они встречали втроем – в семейной атмосфере, с шампанским, с елочкой, которую мама наряжала сама и Сашку даже не подпускала.

Всю ночь во дворе бахали петарды. В половине пятого утра, когда мама и Валентин все еще смотрели по тридесятому местному каналу «Иронию судьбы», Сашка надела сапоги (бегать по снегу в кроссовках она не решалась) и намотала шарф поверх куртки.

– Ты все-таки идешь? – спросил из комнаты Валентин. – Ну и характер у тебя, Александра, завидую...

Сашка вышла, ничего не ответив. Снег перед домом был усыпан конфетти, кое-где из подтаявшего снега торчали огарки бенгальских огней. Сашка пустилась рысцей.

Светились окна. Бродили веселые пьяные компании. В парке в сугробах валялись бутылки из-под шампанского. Сашка бежала, слушая, как похрустывает снег, чувствуя, как морозом прихватывает влажные ноздри, глядя, как тает в воздухе облачко дыхания. «Ну и характер у тебя, Александра, завидую». Тут у кого хочешь выработается характер. И хотя неочевидна и недоказуема связь между Сашкиным утренним сном – и предынфарктным состо-

янием у чужого, в общем-то, человека... Хотя уже на тот момент – не чужого, нет... Что-то случилось с мамой, что-то изменилось, она еще молодая, но ведь она не будет вечно молодой...

Так вот. Хотя и недоказуема такая связь – она есть, Сашка точно знает и обмануться не имеет права. Вот и замкнулся первый круг.

Сашка бежала теперь уже по своим следам. Старалась попадать ровненько, след в след. Сперва неосознанно. А потом – с интересом. По кругу. След в след. Давно не видно было Ванькиного деда с его шавкой. Избавился от бессонницы? Или заболел, не выходит? С тех пор, как романтическое утреннее свидание закончилось так постыдно и пошло, Сашка и Конь почти не разговаривали. Держались, как обычно, сдержанно, равнодушно. Как будто ничего не случилось. Не вышло принцессу раскодировать.

Сашка опомнилась. Какой это круг: восьмой? Десятый? Многократно повторенные следы на снегу сделались большими и глубокими, как будто здесь пробежал снежный человек в огромных валенках.

С темного неба повалил снег. Где-то проехала, вопя сиреной, «Скорая помощь». Не к нам, подумала Сашка с мрачным удовлетворением. Не про нас. С нами-то ничего не может случиться.

Справлять естественные надобности на морозе – удовольствие маленькое. Сашка выбралась из кустов, тщательно застегиваясь, отряхивая снег, нападавший с веток. Было бы здорово, если бы эти проклятые монеты никто, кроме нее, не видел. Но ведь видят... Позавчера мама спросила, случайно наткнувшись на «дневную выручку»: «Что это у тебя опять?» Сашка соврала, что это латунный сплав, фишки для игры... Какое там казино, ты что! Игра вроде пашек, мы в школе играем...

Мама поверила. Ведь раньше Сашка никогда ей не лгала. Ну, почти никогда.

Она вошла в квартиру. Дверь в мамину комнату была закрыта. Стояла плотная тишина, только снег шелестел, ударяясь о жестяные козырьки окон.

Сашка прошла в ванную. Включила горячую воду и долго смотрела на бегущую струю.

А потом ее вырвало деньгами. И сразу – парадоксально – сделалось легче.

* * *

Горка монет росла. Сашка складывала их в старый носок и хранила в нижнем ящике письменного стола, под горкой черновиков. Неизвестно, что сказала бы мама, однажды наткнувшись на этот клад, но у мамы в последнее время было много других забот.

На полочке в ванной утвердились помазок и бритва, в стакане с зубными щетками появилась чужая, и Сашка больше не смела бродить по дому в трусах и майке. Запах мужского одеколона перебивал все прочие, привычные запахи. И мама, всегда на Сашкиной памяти принадлежавшая ей и только ей, теперь делила свое внимание между дочерью и Валентином – причем последнему, как новенькому, доставалась львиная доля.

Очевидно, в планы Валентина входило «наладить контакт» с Сашкой. Он заводил с ней длинные разговоры за ужином, и деликатность мешала Сашке сразу же уйти. Ее ждали учебники, много непрочитанных глав и недописанных рефератов, на границе ночи и утра ей предстояла пробежка, унизительный поход в кусты и звон денег о раковину. А Валентин обстоятельно расспрашивал о ее жизни, о планах на будущее, докапывался, почему же она так хочет стать филологом, и не думала ли она о литературных переводах с английского, и что в некоторых коммерческих вузах есть даже стипендии и всякие стимулирующие программы для отличников. Сашка принимала эти разговоры, как рыбий жир с ложечки, потом уходила в свою комнату и сидела там за письменным столом, бездумно водя ручкой по тетрадному листу.

Валентин занимался медицинской техникой, не то разрабатывал, не то тестировал, не то продавал, а может, все вместе. Из его подробных рассказов о себе Сашка не запоминала почти

ничего. У него были дети, не то два мальчика, не то мальчик и девочка, о них он говорил много и охотно, подчеркивал, что любит их. Сашка, удивляясь про себя такому лицемерию, уносила в комнату чашку с остывающим чаем и садилась пролистывать программу для поступающих в вузы. Слипались глаза. Глубокой зимой, темными-темными днями Сашка жестоко страдала от недосыпа.

* * *

В начале февраля случилась оттепель, а потом – за одну ночь – все опять подморозило. Сашка вышла на пробежку, полностью исполнила ритуал и, возвращаясь домой, у самого подъезда поскользнулась, упала и сломала руку.

Сидела, терпя боль, пока не проснулась мама. Увидев Сашкино предплечье, перепугалась и стала звонить в «Скорую». Вышел Валентин, вызвался ехать вместе с Сашкой, хмурился, сочувствовал, говорил какую-то ерунду, вроде «Терпи, казак, атаманом будешь», и от его прибауток Сашке было стократ хуже. «Скорая», не долго думая, отвезла ее в больничный травм-пункт, где старый хирург, серый от бессонной ночи и табачного дыма, молча закатал Сашку в гипс.

– Как груши, – сказал медсестре. – Падают и падают. Сегодня будет у нас урожай... А ты, – кивнул Сашке, – пойдешь в поликлинику по месту жительства. И не переживай: дело житейское. На молодых заживает, как на собаках.

Валентин отвез Сашку домой на такси. Боль почти прошла. Валентин рассуждал, как удачно, что рука пострадала левая, а значит, Сашка спокойно может ходить в школу и на курсы, писать свои конспекты, правая-то рука в порядке! Сашке казалось, что ее голова, перестав быть круглой, превратилась в аэродинамическую трубу, и слова Валентина, втянутые в одно ухо, со свистом и ревом выносятся из другого.

Звонила с работы мама, волновалась, спрашивала, как дела. Сашка успокоила ее мертвым голосом, пошла к себе и легла, не снимая свитера, на диван.

Как теперь быть с одеждой? На улице минус десять... Как натягивать рукав на гипс? Как самой одеваться и раздеваться?

Три будильника стояли в ряд. Два тикали, один мигал электронным табло. Каждый день, каждый день, а Сашке в гипсе ходить полтора месяца...

«...Люди падают, ломают кости, гибнут под колесами...» Но ведь Сашка честно выполняла все условия! Почему же с ней все-таки это случилось?

Не переживай, сказал старый хирург. Дело житейское. В самом деле, будь Сашке лет семьдесят – тогда беда. А так – неудобство, неприятность, плохо, но не трагично...

Плохо, но не трагично. Если бы Валентина не хватил бы сердечный приступ на пляже – как развивались бы их с мамой отношения? Или никак?

Сашка пробралась на кухню. Накапала себе маминой валерьянки, выпила залпом – какая гадость! – и, забившись под одеяло, заснула.

* * *

В двадцать девять минут пятого ее подбросило, будто трамплином. Сашка села, ничего спросонья не соображая, попробовала выпрямить руку и дернулась от неожиданной боли.

Вспомнила все. Тряхнула головой; выходит, она проспала почти сутки?!

Во рту было сухо. Сашка встала, напилась воды из чайника, кое-как натянула спортивные штаны, влезла в сапоги. Сунула правую руку в рукав, кряхтя, набросила куртку на левое плечо. С лыжной шапочкой в руках вышла из дома.

Небо опять очистилось. Горели звезды. Лед во дворе был кое-где сколот, кое-где обильно посыпан песком и солью. Гипс на руке остывал – непривычное, неприятное ощущение. До пяти часов оставалось всего несколько минут, Сашка шла все быстрее. Спустилась в подземный переход, придерживаясь здоровой рукой за поручень. В полутемной трубе отдавались от стен ее торопливые шаги. Счет шел уже на секунды.

Перед входом в парк горел фонарь. И стоял, привалившись к столбу, человек.

Сашка прошла мимо, целеустремленная, как пуля. И только оказавшись на заснеженной дорожке, вздрогнула и оглянулась.

Свет фонаря отражался в стеклах дымчатых очков. Две горящие желтые точки.

– Иди домой, – сказал человек под фонарем. – Отдыхай. С этого дня можешь больше не бегать.

* * *

В марте сняли гипс. Мама предположила, что теперь-то, наконец, Сашкины нервы придут в равновесие и ее «взбрыки» прекратятся.

Ей на удивление тяжело дался отказ от утренних пробежек. Казалось, жизнь потеряла смысл. Присутствие Валентина раздражало все больше. Однажды он даже ушел жить в гостиницу, и мама не разговаривала с Сашкой несколько дней. Оставшись совсем одна, Сашка бродила по улицам, презирая и школу, и курсы. Репетиторша в конце концов отказалась с ней заниматься.

Валентин уговаривал маму потерпеть. Уверял, что все дело в переломе, в анальгетиках, которые Сашка пила чуть ли не пригоршнями. Он был по-своему прав.

И мама оказалась права. Сбросив гипс, снова ощутив свою руку, Сашка успокоилась почти сразу. Цепь жизни вернулась на привычные шестеренки, и они завертели, отсчитывая дни: утро. Школа. Курсы. Уроки. Вечер. Ночь...

Набор одинаковых дней. Устоявшийся ритм. Сашка научилась не вздрагивать при виде прохожих в темных очках: наступила весна, и таких людей становилось на улицах все больше. В школе собирали деньги на выпускной вечер, долго спорили на родительском собрании и едва не разругались: кто-то, как Сашкина мама, предлагал праздновать скромнее, кто-то желал обязательно дорогие подарки всем учителям и круиз на пароходе по реке...

Сашка написала пробное сочинение на курсах и получила, к своему разочарованию, четыре.

– Не берись за свободную тему, – наставляла преподавательница. – Бери стандартное и раскрывай, как учили. Свободные темы – для гениев или для двоечников, не наступай два раза на одни и те же грабли!

Сашка слушала, кивала и знала, что рано или поздно человек в темных очках появится снова. И снова чего-то потребует, и Сашка не сможет отказаться.

Или попробовать однажды? Что, если сердечный приступ Валентина – случайность?!

Всякий раз, подумав так, Сашка пугливо оглядывалась. Она знала, что не сможет взбунтоваться. Не будет даже пробовать. Слишком страшно.

* * *

До медали она чуть-чуть недотянула. Разочарования почти не было: она давно знала, что так и случится. Выпускной прошел мимо: Сашка засыпала посреди общего веселья и была очень рада, что круиз, по крайней мере, не состоялся.

Ваня Конев танцевал с Ирой из параллельного класса. Сашке было почти все равно. Конь получил медаль и в момент выпуска был уже студентом мехмата.

А Сашка отправилась сдавать документы на филологию. Одна. Мама хотела идти с ней, но Сашка отбрыкалась.

Зацветала липа. Накрапывал дождик. Сашка шла и улыбалась. В этом году моря не видать, как своих ушей, ну и пусть. Если не поступит с первого раза... неприятно об этом думать, но мало ли... Устроится где-нибудь секретаршей. Хоть на той же кафедре. Поработает, познакомится с людьми... Вырвется из этого проклятого круга – конспект, уроки, конспект...

– Саша!

Она обернулась, все еще улыбаясь. Человек в темных очках сидел на скамейке, мимо которой она только что в рассеянности прошла. Будто отражая ее улыбку, он растянул губы и приглашающе похлопал по скамейке рядом с собой.

Сашка подошла и села. Положила сумку на колени.

– Как рука? – небрежно спросил ее собеседник.

– Хорошо.

В мокрой липе над их головами возились воробы. Чирикали, оглушая.

– Сколько у тебя монет?

– Четыреста семьдесят две, – ответила она, не задумываясь.

– Ты набрала проходной балл.

– Я пока не сдавала никаких экзаменов...

– Сдавала-сдавала, – он снова усмехнулся. – Держи.

И протянул ей рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом. Имя и фамилия Сашки были вбиты на пишущей машинке.

«Поздравляем! Самохина Александра, Вы зачислены на первый курс института Специальных Технологий г. Торпы. Начало занятий – первого сентября».

И ниже, мелким шрифтом:

«По поводу поселения в общежитие обращаться...»

Сашка оторвала глаза от бумаги. Уставилась на человека, сидящего рядом на скамейке. Минуты две ничего не могла сказать.

– Что это?

– Это институт, где ты будешь учиться. Очень хороший институт.

– Я не понимаю, – сказала Сашка. – Я в университет... я...

Человек, сидевший рядом, вдруг снял очки.

Сашка ждала всего, чего угодно. Что у него вообще нет глаз. Что глаза нарисованы на бледных слипшихся веках. Что глаза зашиты суровой ниткой, что глазницы пусты...

Глаза были. Карие. Спокойные. На первый взгляд совершенно обыкновенные.

– Меня зовут Фарит, – сказал он негромко. – Фарит Коженников. Если тебе интересно.

– Интересно, – сказала Сашка после паузы. – Вы бы... отпустили меня, Фарит, а?

Он покачал головой:

– Саша. По результатам предварительных тестов тебя приняли в приличный институт, впереди у тебя почти целое свободное лето. Гуляй. Купайся. Набирайся сил перед учебой. К тридцать первому августа возьмешь билет до города Торпы. Можешь приехать за пару дней, поселиться в общежитие, освоиться...

– Да как я маме все это объясню?! – почти выкрикнула Сашка. Женщина, проходившая мимо, удивленно повернула голову.

– Как-нибудь объяснишь, – сказал Фарит. – Придумай, как. А то ведь может статься, что и объяснять будет некому. Свобода, что хочешь, то делаю...

Он снова надел очки. Сашка вцепилась в скамейку; спокойное лицо собеседника расплылось у нее перед глазами.

– А я вас... – начала она звенящим голосом. – Вы... ничего не можете. Ничего. Я в вас не верю. Я вас... Я хочу, чтобы это был сон!

Ничего не случилось. Отражалось в лужах проглянувшее солнце.

Сашка хотела еще что-то сказать – но вместо этого разрыдалась от ужаса, беспомощности и стыда.

– Тихо, – сказал Фарит. – Тихо... Я же сказал: ничего несбыточного, ужасного, невозможного я от тебя требовать не буду. Никогда.

Сашка ревела. Слезы капали на рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом.

– Ну что ты за человек, – устало сказал Фарит. – Нужен тебе этот университет? Нет. Сто лет не нужен. Хорошо тебе жить в двухкомнатной малометражке с молодоженами? В новом статусе падчерицы? Нет, Саша. Но ты все равно идешь по проторенной дорожке? Ничего не хочешь менять?

– С ней будет все... в порядке! – сквозь слезы выкрикнула Сашка.

– Конечно. Она будет здорова и даже счастлива. Потому что ты умная девочка и сделаешь все, как я тебе сказал... Не спрашивай, что будет, если не сделаешь.

Он легко поднялся.

– Деньги сохрани, привези с собой. Адрес института указан на бумажке. Постарайся не потерять... Саша, ты меня слышишь?

Она сидела, закрыв лицо ладонями.

– Все будет хорошо, – сказал человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым. – Можешь сдавать экзамены в университет, пожалуйста. Не хочешь лето гулять – как знаешь. Условие одно: к первому сентября ты должна быть в Торпе. Тебя поселят в общежитии. Предоставят бесплатное питание. Дадут стипендию, немного, но на пирожки хватит. И перестань реветь. Стыдно за тебя, честное слово.

* * *

Сашка сидела на скамейке, пока окончательно не высохли слезы и не выровнялось дыхание. Дождь перестал – и снова пошел. Капли пробивались сквозь листья липы. Сашка раскрыла зонтик.

Она не спросила, каким-таким специальным технологиям учат в институте города Торпы. Честно говоря, это ее вовсе не интересовало. Ей было семнадцать лет, большая часть времени прожита зря, а уж последний год – и подавно. Конспекты, учебники... ради чего?

У нее не было друзей. Мама свою любовь переключила на Валентина – как переключают железнодорожные стрелки. И не к кому было идти, некому жаловаться на человека в темных очках, назвавшегося Фаритом Коженниковым.

Она поднялась. Дождь давно перестал, вышло солнце, но Сашка шла под зонтиком, не замечая удивленных взглядов. Поднялась на высокое крыльцо универа, выстояла очередь из таких же, как она, абитуриентов, сдала секретарше заявление, аттестат, медицинскую справку. Честь честью. Как и собиралась.

После этого вернулась домой. Сложила стопкой все книжки и общие тетради. Полюбовалась. Запихнула поглубже в стол.

Потом снова вытащила. Ну что делать, если это – вот это! – составляло ее жизнь на протяжении многих месяцев? Человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым, прав: она не сможет соскочить с проторенной дорожки. Она будет сидеть, и заниматься, уже зная, что все впустую, но в глубине души надеясь, что это пригодится, может быть, при изучении «специальных технологий»...

Она нашла перечень вузов – справочник для абитуриентов. Пролистала от начала до конца. Ни города Торпы, ни института специальных технологий не нашла.

Не удивилась.

* * *

Всю свою сознательную жизнь она была прилежной ученицей. Сдавать экзамены спустя рукава оказалось не так просто.

Кругом все волновались. Рассовывали по карманам шпаргалки. Чьи-то матери пили валидол. Летала пыль в огромных гулких помещениях, пахло старой библиотекой, а снаружи стояла жара, жара, пекло. Сашке было все равно. Она чувствовала себя стеклянной и равнодушной, как новогодний елочный шарик.

Сочинение написала легко. На устной истории чуть не сгорела от стыда: перепутала даты, вообще один вопрос забыла напрочь. Получила четыре. Выйдя из аудитории, окруженная потной толпой, удивленно спросила себя: что я здесь делаю? Почему меня до сих пор волнует Куликовская битва?!

Мама первым делом поинтересовалась оценкой и, услышав правду, страшно разочаровалась.

– Как – четыре?! Уж история-то... устная... А как же курсы? Ты же весь год ходила...

– Без взятки туда нечего и соваться, – глубокомысленно заметил Валентин.

Мамины глаза вдруг стали злыми:

– Без взятки... Да она книгу не открывала в последние дни! Как будто ей все равно! Гуляла где-то с утра до вечера... На пляж ходила? Без взятки и я поступала, и ты поступал, и поступили с первого раза!

– Были другие времена, – философски заметил Валентин. – А теперь...

– В крайнем случае, – сказала Сашка неожиданно для себя, – пойду и поступлю в другое место.

– В какое – другое?!

– В мире много хороших институтов, – брякнула Сашка и поскорее удалилась к себе в комнату.

Голоса мамы и Валентина еще долго не стихали. Спорили.

* * *

Конечно, она пролетела. Кто бы сомневался. Вывесили списки, Сашка со своими баллами оказалась под чертой.

Мама была готова к такому повороту событий. Заранее ясно было, что высокого балла Сашка не наберет, и пятерочный аттестат ей мало чем поможет.

– Ты был прав, – со сдержанной горечью сказала мама Валентину. – Сколько репетитору не плати... Надо было кому-то сунуть. Это я виновата. Надо было... Времена другие...

– Да что ей, в армию идти? – с наигранным весельем отозвался тот. – Она же не мальчик. Поработает годик, хлебнет взрослой жизни...

Сашка открыла рот. Набрала побольше воздуха...

И ничего не сказала. Решила выждать еще несколько дней.

Был август. Жара сменилась дождями. Мама взяла на работе короткий отпуск: они с Валентином собирались, наконец, пожениться.

– Скромно, – говорила мама, причесываясь перед зеркалом, посверкивая глазами. – Распишемся, и поедем на несколько дней на базу отдыха... Мы там были, Сашка, помнишь, там такие домики деревянные и совсем рядом речка, лес...

– Дожди, – сказала Сашка.

– Ну, не навсегда ведь. И потом, там и в дождь хорошо. Там есть такие навесы... Под ними можно жечь костры, жарить шашлыки...

– Мама, – сказала Сашка, будто прыгая в ледяную воду. – Я поступила в институт. В институт специальных технологий города... города Торпы.

Мама обернулась. Две шпильки торчали у нее изо рта, как тоненькие вампиры клыки.

– Я уже поступила, – повторила Сашка. – Раз с универом так получилось... Ну, я проучусь в Торпе год. А потом, может быть, переведусь.

Про перевод она придумала только что, глядя в почерневшие, округлившиеся мамини глаза.

– Какого города? – мама выплюнула шпильки.

– Торпа.

– Где это?

– Недалеко, – соврала Сашка. – Там общежитие предоставляют бесплатно. И еще стипендия.

– Институт... чего?

– Специальных технологий.

– Каких технологий! Ты же гуманитарий!

– Специальных... Мама, ну это же нормальный, приличный ВУЗ. Не столичный, да. Провинциальный. Но там...

Сашка запнулась. Мама смотрела на нее, как мог бы смотреть муравей на охваченный пламенем муравейник.

– Саша, скажи, что ты пошутила.

Сашка вытащила из кармана рыжеватую бумажку, напечатанную типографским способом, когда-то покоровившуюся от дождей и слез, но тщательно проглаженную утюгом. Мама пробежала ее глазами. Посмотрела опять на Сашку.

– Послушай, тут дата – июнь... Откуда она у тебя?

– Получила по почте.

– Когда?

Сашка задержала дыхание. Врать маме вот так в лицо – нелегкий труд, без привычки не дается.

– Пару дней назад.

– Саша, ты врешь.

– Мама, это настоящий документ! Я поступила! В институт! И я буду там учиться! – у Сашки дрожал голос. – Так надо, понимаешь?

– Понимаю, – мама оперлась о край стола. – Я понимаю. Ты ревнуешь. Ты – взрослая девушка – ведешь себя, как... как избалованный, скверный ребенок. С тех пор как... Не можешь мне простить, да? Не можешь простить, и устраиваешь демонстрации?

– Нет! – Сашка захлебнулась. – Он тут ни при чем! Это просто... Ну... так получилось, что я поступила. Я поеду в Торпу, и...

– Никуда ты не поедешь, – в голосе мамы был февральский лед. – Ты будешь учиться в нормальных условиях, в нормальном ВУЗе. Мне очень жаль, что я воспитала эгоистку, но больше никакого экстрима я не допущу. Спасибо за приятный разговор.

И она снова отвернулась к зеркалу.

* * *

Спустя два дня холодных, скованных отношений мама пришла домой непривычно веселая, с розовыми «яблочками» на щеках. Оказалось, в университете открыт добор на вечернее отделение, и Сашку с ее баллами, может быть, примут.

– А работать будешь у нас на фирме, – говорила мама, споро расставляя тарелки, раскладывая жаркое. – Я договорилась. Днем работать, вечером пары. Потом можно будет перевестись на дневное. Наверняка можно. На втором курсе или на третьем...

Сашка молчала.

– Завтра с утра надо будет подойти на кафедру. Комната тридцать два. Ты слышишь?

– Я поеду в Торпу, – проговорила Сашка еле слышно. Над столом повисла мертвая тишина.

– Саша, – укоризненно сказал Валентин. – Ну зачем ты так?

Спасаясь, Сашка поднялась из-за стола. Оставив нетронутой свою порцию, ушла в комнату, залезла под одеяло и притворилось, что спит. Мама и Валентин говорили громко, сквозь стены и одеяла до Сашки доносились обрывки фраз.

– Успокойся, – говорил Валентин. – Да успокойся ты! Самостоятельность...

– Она несовершеннолетняя!

– Они взрослеют... им хочется... в конце концов, это же не край земли...

Голоса становились все тише – накал страстей спадал. Сашка закрыла глаза. Все складывается как нельзя лучше: маме и Валентину удобно будет остаться в квартире вдвоем. Сейчас они поговорят-поговорят, да и отпустят Сашку в неизвестную Торпу, где ее невеста что ждет...

Ее раздирало пополам. Если мама согласится легко – Сашка оскорбится навеки. Если мама встанет насмерть... а так оно, похоже, и случится...

Нет, не случится. Вот уже смеются на кухне. Договорились. Пьют чай. Решили: у девочки своя судьба, она самостоятельная, пусть отправляется хоть черту в зубы! Довольны. Вот мы какие прогрессивные. А что? Множество школьников вот так уезжают из дому через лето после выпуска. Навстречу взрослой жизни... В общагу...

Сашка стянула с лица одеяло. За окном, за плотно задвинутыми шторами, все еще было светло. Восемь часов. Полдевятого. Август. До начала занятий осталось три недели.

В дверь Сашкиной комнаты негромко стукнули.

– Это я, – сказал Валентин. – Давай поговорим?

* * *

Они нашли город Торпу в атласе автомобильных дорог. Прозрачный кружок на карте, как раз в том месте, где листок слегка потерялся на сгибе.

– Город, – хмыкнул Валентин. – Скорее, поселок городского типа. Ну и что там может быть за институт?

Сашка предъявила ему рыжую бумажку. Он долго разглядывал ее, вертел в руках, хмурился.

– Ты что, подавала туда документы?

– Нет... То есть да.

– Но ведь твои документы лежали в университете!

– Туда можно копии... И потом, в универ же меня все равно не взяли.

– Институт Специальных Технологий, – снова прочитал Валентин. – Что это за технологии? Специальность твоя будущая как называется?

– Специальный технолог, – сказала Сашка.

Валентин нахмурился:

– Ты что, издеваешься?

– Нет, – Сашке было очень неловко. – Специальность там выбирают на третьем курсе. Или на четвертом. Я толком не знаю.

– Не знаешь, а готова ехать?

– Если мне не понравится, я вернусь, – сказала Сашка совсем тихо. – Честное слово. Если окажется, что это плохой институт – я приеду обратно. Только скажите маме, пусть она не волнуется. Мне надо туда поехать. Очень надо. Дело не в том, что... совсем не в этом. Мне просто надо.

Она повторяла одно и то же на разные лады, а Валентин сидел перед ней, встревоженный, непривычно растерянный, и впервые в жизни Сашке вдруг показалось, что он ей не чужой.

* * *

– Вставайте, девушка. Торпа через полчаса.

– А? – Сашка подскочила и стукнулась головой о багажную полку.

Вся ночь прошла в полудремоте, ей удалось заснуть совсем недавно. Вагон был старый, сильно потряхивало, где-то на столе звенела ложка в пустом стакане. Проплывали тени и огни, пронизывали насквозь плацкартное пространство, где истекали потом разгоряченные полуголые тела. Свисали с полок углы простыней. Кто-то храпел, кто-то возился с полиэтиленовым кульком, а Сашка лежала на спине, на верхней полке, и уговаривала себя: через неделю вернусь. Условие – быть к началу занятий. О том, чтобы дожить в этой Торпе до выпуска, разговора не было.

Валентин хотел ехать с ней. Настаивал. Сам купил два билета в железнодорожной кассе, себе и Сашке. Он собирался проверить аккредитацию ВУЗа, условия в общежитии, словом, узнать и разведать все, и Сашка в глубине души была ему благодарна. К тому же, темный человек, назвавшийся Фаритом Коженниковым, не требовал, чтобы Сашка заявила в Торпу в одиночестве.

Накануне отъезда Валентину позвонили из Москвы – его сын от первого брака попал под машину, и, хоть легко отделался, присутствие Валентина с его знакомствами в мире медицины было необходимо. Валентин, позабыв о Сашкиных проблемах, метнулся в Москву. Сашке пришлось сдавать его билет перед отходом поезда, да еще убеждать маму, что она и так справится.

Мама провожала ее. Долго стояла у вагона, смотрела сквозь стекло, махала рукой, давала советы. Сашка мечтала, чтобы поезд поскорее тронулся. Но когда тепловоз в первый раз дернул – у нее душа провалилась в пятки, она готова была выпрыгнуть в окно, к маме в объятия.

Она в первый раз ехала в поезде одна. То и дело смотрела на багажную полку, где лежал ее чемодан. Нашупывала мешочек с монетами на дне сумки. Проверяла документы во внутреннем кармане – паспорт, аттестат, медицинская справка, справка о зачислении и еще какие-то бумаги, все это в плотном полиэтиленовом пакете. Ей было невыносимо одиноко, все время вспоминалось, как в таком же вагоне они ехали с мамой на море, за окном цвели маки, и было хорошо, спокойно, уютно...

Она плакала, скрывая слезы от попутчиков. И страшно укоряла себя за то, что тогда, в курортном поселке, поддалась на уговоры человека в черных очках. Один, самый первый раз, поддалась. Пусть был бы вечный кошмар, пусть она просыпалась бы и просыпалась на раскладушке в съемной квартирке, но была бы рядом мама. И море. Если жизнь человека состоит из половины летнего дня двадцать четвертого июля – это все равно хорошая жизнь. Во всяком случае, в ней нет ни золотых монет, ни Валентина, ни долгой дороги в Торпу.

Село за окнами солнце. Попутчики ужинали, похрустывая малосольными огурцами, обглаживая куриные ножки, очищая от скорлупы матово-белые вареные яйца. Сашка выта-

шила бутерброды, приготовленные мамой, и снова чуть не разревелась – в полиэтиленовом кульке был запрятан кусочек дома. Так ничего и не съев, спрятала ужин. Выпила стакан чая. И забралась на верхнюю полку...

– Девушка! Вы проснулись? Торпа, говорю!

– Да... Я сейчас.

Была граница между ночью и утром. Часа четыре, может, полпятого. За многие месяцы Сашка привыкла вставать в такую рань и знала: утро приносит облегчение. Сейчас, собираясь, шнуруя ботинки, стаскивая с полки чемодан (потихоньку, чтобы не разбудить спящих попутчиков и все равно задевая чьи-то свисающие руки), она почти забыла о вчерашней тоске. Ветер дальних странствий, неожиданные открытия – этого ведь тоже у путешествия не отнимешь; она взрослый, самостоятельный человек, путешествующий без провожатых. Посмотрим, что за Торпа.

Она вытащила чемодан в тамбур. Проводница дремала на укрытой одеялом полке.

– Сколько стоим? – спросила Сашка.

– В Торпе? Минуту. У тебя много вещей?

Поезд пошел медленнее. Лязгнули вагоны. В темноте августовского утра Сашка ничего не видела – только проплыл в небе синеватый фонарь.

Поезд дернулся, лязгнул и остановился. Проводница, зевая, принялась ковырять ключом в скважине.

– Я не успеваю! – сказала Сашка в ужасе. – Пожалуйста, скорее!

Проводница вполголоса выругалась.

Поезд снова дернулся. Проводница наконец открыла дверь. Поезд медленно двинулся; забросив за спину сумку, волоча за собой чемодан, Сашка ссыпалась по железным ступенькам, приземлилась на низкий перрон и успела увидеть, как проводница, конвульсивно позевывая, закрывает дверь вагона.

Все.

Поезд набирал скорость. Сашка оттащила чемодан подальше от края платформы. Прогремел последний вагон, две огонька на его торце стали стремительно удаляться и быстро растаяли в темноте.

Зеленый огонь семафора сменился красным. Сашка стояла одна на пустой платформе...

Нет, не одна. Из полутьмы выбрела щуплая тень с большим чемоданом. Остановилась рядом.

Парень. Сашкин ровесник. Бледный, сонный, растрепанный.

– Привет, – сказал он, помолчав минуту. – Это Торпа?

– Привет, – сказала Сашка. – Говорят, что да.

– Я здесь в первый раз, – сказал парень.

– Я тоже.

Парень помолчал. Потом спросил неуверенно:

– В институт?

Сашка, в глубине души очень надеявшаяся на этот вопрос, энергично закивала головой:

– Ага. И ты тоже? Специальных технологий?

Парень улыбнулся с явным облегчением:

– А что, здесь разве есть другой?

– Не знаю, – призналась Сашка. – Ты вообще здесь видишь какой-то город?

Парень огляделся, приставив руки к глазам – «биноклем»:

– Офигительно огромный мегаполис. Вокзалище... А там, смотри, какой-то перспективный сарайчик!

Сашка рассмеялась.

Ситуация перевернулась моментально. Волоча за собой чемоданы и изощряясь в остроумии, новоиспеченные студенты прошли к «перспективному сарайчику» – он и оказался зданием вокзала. Сашка в порыве вдохновения назвала его «курятником после евроремонта». Ее новый знакомый оценил шутку залиvistым хохотом.

На вокзале не было ни одного человека. Кассы заперты. Продолговатые мерцающие лампы освещали пустую буфетную стойку, деревянные кресла с кое-где выцарапанными непристойностями, автоматическую камеру хранения на шесть ячеек (все дверцы открыты). Пол, довольно чистый, был мощен черно-белой плиткой.

– Как после атомной войны, – сказала Сашка, оглядываясь.

Августовские мухи тучей снялись с плафона и наполнили маленький зал оптимистичным гудением.

– Эй! – крикнул парень. – Есть тут кто?

Жужжание мух было ему ответом.

– Мне здесь не нравится, – сказала Сашка.

Они снова вышли на платформу. Понемногу светало. Под единственным на перроне фонарем висела размытая дождями табличка: расписание автобусов «Вокзал-центр». Если расписание не врало, первый автобус должен был отправиться в неведомый «Центр» через час.

– Погуляем, – решительно сказал парень. – А повезет, так частника словим. У меня деньги есть.

Его звали Костя. То ли в присутствии Сашки он остро чувствовал себя мужчиной, то ли характер у него был особенно энергичный, но он постоянно пытался «рулить». Сашка не сопротивлялась: Костина деятельность (и даже самодеятельность) создавала у нее иллюзию защищенности.

Они засунули чемоданы в камеру хранения (ячейки работали без жетонов, на одном только коде). Нашли удобную скамейку на перроне и развернули запасы провизии. Сашкины бутерброды, так огорчившие ее вечером, сейчас улетели в одно мгновение: она поделилась с Костей, тот поделился с ней, нашлась бутылка минеральной воды, Костя открыл литровый термос, почти наполовину полный кофе. У Сашки задрожали ноздри; завтрак окончательно привел ее в хорошее расположение духа. Мимо станции прокатился товарняк, грохот улегся вдали. Установилась тишина, нарушаемая только голосами птиц.

– Через полчаса придет автобус, – уверенно сказал Костя. – Адрес этой конторы – улица Сакко и Ванцетти, двенадцать.

– Ты не знаешь, кто такие Сакко и Ванцетти?

Костя пожал плечами:

– Итальянцы, наверное...

Мимо станции, уже в другую сторону, прокатился еще один товарняк.

– Скажи, пожалуйста, – осторожно начала Сашка. – А с чего это тебе пришло в голову поступать на эти... специальные технологии? Кто тебе подал такую... идею?

Костя помрачнел. Покосился на нее с подозрением. Сложил в кулек смятые салфетки и промасленную бумагу, уронил в пустую железную урну рядом со скамейкой.

– Да я просто спрашиваю, – быстро добавила Сашка. – Если не хочешь отвечать – то извини...

– Меня заставили, – неохотно признался Костя.

– Тебя тоже?!

Минуту они смотрели друг на друга. Каждый ждал, что первым заговорит другой.

– Странно, – сказал наконец Костя. – Ты ведь девчонка. Тебе от армии косить не надо.

– При чем здесь армия?

– При том, – жестко сказал Костя. – Как по-твоему, мужчина должен служить в армии?

– Не знаю, – сказала Сашка. – Наверное, должен... – И тут же добавила на всякий случай: – А не хочет, так и не должен.

Костя вздохнул. Помотал головой.

– Мне родной отец такой ультиматум выставил... Я ведь на юрфак пролетел, как фанера над Парижем. Второй раз уже. Меня этой осенью должны были призвать. Так отец... – Костя замолчал. Покосился на Сашку, будто удивляясь, с чего это ему вздумалось посвящать попутчицу, с которой и часа не знаком, в такие интимные подробности.

– Значит, ты не хотел в этот институт?

Костя пожал плечами:

– Хотел, не хотел... Какая уже разница?

Они замолчали. На перроне по-прежнему было пустынно, не появлялся ни обходчик, ни уборщик, вообще никто. Из-за кустов поднималось красное августовское солнце. Пели птицы. На высоких травах, росших вдоль полотна, выпала роса, и каждая капля переливалась цветными огнями.

– А тебе ведь в армию не надо, – задумчиво сказал Костя.

Сашка промолчала. Ей очень не хотелось рассказывать историю своего знакомства с Фаритом Коженниковым. Она надеялась, что и у Кости случилось что-то в этом роде, а оказалось, все просто: провал экзаменов, осенний призыв на носу, суровый отец...

– Нам не пора? – спросила она немного нервно.

Костя посмотрел на часы:

– Ну, пошли... Там на остановке автобуса тоже скамейка есть...

Вопреки Сашкиным опасениям, железные дверцы ячеек открылись легко. Костя сгрузил на пол оба чемодана. Ко дну Сашкиного приклеился скомканный бумажный листок.

– Мусор какой-то, – пробормотал Костя и двумя пальцами отклеил бумажку.

Это была записка – крупные карандашные буквы можно было прочитать даже теперь, когда листок изрядно пожелтел и замызгался:

«Уезжай сейчас».

Подписи не было.

* * *

Через полчаса они сидели в маленьком автобусе, который Костя назвал «похоронным». Проклятая бумажка испортила обоим настроение, хотя каждый старался продемонстрировать другому полное к ней равнодушие.

Сашка знала, что не сможет уехать. Первое сентября – завтра, она должна быть на месте. Требование Фарита Коженникова она выполнит, а там – как придется.

Костя молчал. От его инициативности не осталось и следа. Автобус подъехал без пяти минут семь, за рулем был обыкновенный крепкий дядечка-водитель в поношенной джинсовой куртке поверх черной футболки. Сашка и Костя купили билеты и уселись на заднем сиденье. Водитель завел мотор, тут же, откуда ни возьмись, появилась старушка с корзиной, женщина с лопатой, завернутой в мешковину, и два молодых парня безо всякого багажа. Сашке показалось, что парни приметили их с Костей. Она снова почувствовала себя одинокой и незащищенной.

Сначала катили среди полей, где здесь и там виднелись человеческие фигурки. Потом въехали в Торпу. Это не был поселок, каким он представлялся Сашке: кирпичные пятиэтажки вперемишку с «частным сектором». Это был город, очень старый и совсем не «модернизированный»: тяжелые каменные дома, иногда с колоннами, иногда с лепниной на фасаде. Кривые улочки, иногда залитые асфальтом, но чаще – мощенные черным булыжником. Окна, закрытые зелеными ставнями. Скаты черепичных крыш. Выщербленные ступеньки.

– Смотри-ка, – приглушенно сказал Костя. – Прямо хоть кино снимай. Ничего так городишко, а?

Сашка молчала.

Автобус остановился на маленькой площади, под навесом обыкновенной остановки.

– Торпа, – сказал водитель. – Приехали.

Сашка дождалась, пока выйдут два подозрительных парня, и потом уже выбралась вслед за Костей из автобуса. Водитель передал им чемоданы, уселся в свое кресло, газанул – и автобус скрылся из глаз прежде, чем Сашка и Костя успели оглядеться.

Они снова были одни. И старушка, и женщина с лопатой, и парни куда-то подевались.

– И у кого тут спрашивать дорогу? – саркастически осведомился Костя.

– Тут указатель есть, – сказала Сашка, присмотревшись. – Вот: «Сакко и Ванцетти, 1,5 км».

* * *

Путь в полтора километра они проделали почти за полчаса – Костя, пыхтя, тащил оба чемодана. Сакко и Ванцетти оказалась непомерно длинной улицей, и начиналась со сто сорок-надцатого дома – дальше нумерация шла по убывающей. Тротуары то делались широченными, то совсем пропадали. Улица то раздавалась, как река в половодье, и становилась бульваром, то вдруг сжималась и превращалась в ущелье.

– Стильный городок, – бормотал Костя.

Камень и облупившаяся штукатурка. Плети винограда и плюща, протянувшиеся по водосточным трубам. Герань в подвесных вазонах. Сашка вертела головой: вот трехэтажный особнячок, похожий на замок, с уютными алебастровыми химерами. Вот унылое бетонное строение со старинными промышленными кондиционерами, навешенными на окна снаружи. Вот деревянная развалюха, на крыше которой успела подрасти молодая березка.

Под каждым карнизом лепились неперенные ласточкины гнезда. Птицы пронизывали воздух, накрывая улицу подвижной черной сеткой, выписывали петли, иногда ныряли в разбитые чердачные окошки. В кронах каштанов и лип истошно кричали воробьи.

– Да нормальный вроде город, – Сашка потерла ладонью усталую шею.

Открывались магазины. Перед окошком хлебного стояла маленькая чинная очередь: три старушки с кошелками. У магазина «Вино-табак» курили трое мужчин в спецовках. На противоположной стороне улицы рабочие чинили крышу, натужно вращался блок, и почти над головами прохожих плыл чан со смолой, и трепещущие линиялы флажки на проволоке отгораживали зону, куда ни в коем случае нельзя заходить...

Здание под номером двенадцать оказалось большим домом, много раз, по всей видимости, перестроенным: два этажа сложены из цветного кирпича в стиле «пряничный домик», третий – из белого силикатного безо всяких изысков, а четвертый этаж и вовсе деревянный. К парадному входу вело каменное крыльцо с пологими, истертыми до дыр ступенями. Высокая черная дверь выглядела неприступно и строго. Слева тускло поблескивала табличка: «Министерство образования. Институт специальных технологий».

– Пришли, – сказал Костя, опуская чемоданы на булыжную мостовую.

Саша смотрела на дверь. Черный прямоугольник с отполированной медной ручкой. Четыре ступеньки, ведущие вверх.

Костя тяжело дышал. Он протащил два огромных чемодана вдоль длинной улицы Сакко и Ванцетти и мог теперь не скрывать ни одышки, ни сердцебиения, ни пота на лбу. Сашке было сложнее; выравнивая дыхание, она могла поклясться, что Костя и она сейчас думают об одном и том же: еще не поздно отсюда смотаться. Пока не шагнули через порог. Такое ощущение, что, когда эта дверь закроется за спиной, обратного пути не будет.

Костя молчал, не желая показаться малодушным в Сашкиных глазах. Что я здесь делаю, в панике подумала Сашка. Почему я не дома... почему иду туда, куда не хочется идти, как покорная овца, как собака на поводке?!

Костя огляделся.

– Нету ли здесь забегаловки какой-то, – сказал, будто бы про себя. – Чтобы хоть кофе выпить... А то во рту пересохло... Смотри, кафешка!

В самом деле, прямо напротив института имелся вход в полуподвал, над которым висела деревянная доска: «Пирожные, кофе, чай». На тротуаре стоял одинокий стол с раскрытым над ним полосатым пляжным зонтиком.

Сашка вздохнула и снова перевела взгляд на здание института. Окна – маленькие на первых двух этажах, широкие на третьем, тусклые на четвертом – смотрели на студентов фасеточным взглядом.

– Пошли, – хрипло сказала Сашка. – Не торчать же тут с чемоданами весь день.

* * *

В огромном полутемном холле никого не было. Стеклянная будочка вахтера пустовала. Направо и налево тянулись лестницы, а впереди, под столбом света, лившегося откуда-то сверху, возвышалась конная статуя невиданных размеров.

– Жеребец, – сказал Костя со сдавленным хихиканьем.

Сашка, как замороженная, подошла ближе. Лошадь в самом деле была «жеребец»; брюхо ее и ноги были изваяны с анатомической точностью. Колоссальные бронзовые копыта попирали гранитный постамент. Сверху свисали огромные сапоги в стремях. Лицо всадника разглядеть было невозможно – оно терялось вверху, и, как Сашка ни пыталась выбрать угол зрения, видела только огромный вздернутый подбородок и выпирающий кадык.

– Первокурсники?

Голос прокатился эхом по пустынному холлу. Сашка и Костя обернулись; невысокая вахтерша в ситцевом платье стояла у входа, ее толстый палец с конфетно-розовым ногтем велел обоим подойти.

– Вам в деканат. За лестницей по коридору прямо, увидите сами, там на двери написано. Чемоданы оставьте. Никто их здесь не возьмет.

* * *

В длинном коридоре пахло пылью и свежей известкой. Тянулись двери – как в школе, только выше и, пожалуй, значительнее. Надпись «Деканат» в стеклянной рамке не давала ни единого шанса заблудиться.

Сашка вошла и зажмурилась.

В комнате было очень светло – снаружи сквозь окна врывалось солнце. Прямо перед Сашкой обнаружилась деревянная перегородка с дверцей. По ту сторону перегородки сидели две дамы – толстая и тонкая, обе в белых блузах, с одинаково непроницаемыми выражениями таких разных лиц.

– Первокурсники? – спросила толстая. – Давайте документы.

Сашка завозила с застёжкой внутреннего кармана – для пущей сохранности там имелась еще и булавка.

– Давайте-давайте, – поторопила толстая женщина. – Сдавайте, юноша, если готовы.

Костя шагнул к барьеру первым. Женщина отложила его аттестат, развернула паспорт, сверилась с длинным списком на столе.

– Поздравляю, вы зачислены на первый курс, – сообщила буднично. – Распишитесь здесь. Вот вам ордер на поселение, вот талоны в столовую – бесплатные обеды. Учебники вам выдаст преподаватель. Погуляйте пока в коридоре, пока я девушку оформлю...

Тонкая женщина не проронила ни слова. Через плечо коллеги поглядела в список; прищурившись, очень внимательно поглядела на Костю. Под этим взглядом он и вышел, сжимая в руках серый конверт с печатью.

Сашка подошла к барьеру. От времени на нем стерлась краска, каждое древесное волокно выступало рельефно. Сашка не выдержала – и провела по прожилкам ладонью.

– Как вас зовут? – спросила Толстая, почему-то не торопясь раскрывать Сашкин паспорт.

– Самохина Александра.

– Самохина, – палец с длинным ногтем побежал по списку. – Самохина...

– Фарита девочка, – себе под нос проронила Тонкая. Сашка вздрогнула, от ее движения хлопнула деревянная дверца барьера.

– Коженников – ваш куратор? – спросила Толстая, не глядя на Сашку.

– Ну...

– Поосторожнее с ним, – сказал Толстая. – Он хороший человек, но жесткий. Вот ваш ордер на поселение, талоны в столовую. Монеты у вас с собой? Тут записано – четыреста семьдесят две?

Сашка снова полезла в сумку. Сочетание этой обычной комнаты и обычной, казалось бы, канцелярской процедуры с золотыми монетами неизвестного достоинства, явившимися на свет во время приступа рвоты, заставило ее на минуту потерять чувство реальности. Даже солнце за окном показалось ненастоящим.

Женщина приняла у нее из рук тяжелый полиэтиленовый кулек. Положила куда-то под стол: звякнуло золото.

– Все, – сказала Толстая. – Идите, поселяйтесь, завтра в девять утра все первокурсники собираются в актовом зале, от входа прямо, мимо статуи, там маленькая лестница, увидите. Эй, кто там дальше, заходите!

– А где общежитие? – опомнившись, спросила Сашка.

* * *

Общежитие помещалось в глубине двора, попасть в него можно было либо из здания института, либо с улицы Сакко и Ванцетти по тесному, темному и вонючему переулку. Сашка, оценив переулок издали, решила после наступления темноты и носа в нем не показывать.

Снаружи общага представляла собой длинный, облупившийся, выдавший виды двухэтажный барак. Входная дверь оказалась запертой. Костя постучал согнутым пальцем, потом кулаком, потом осторожно грохнул ногой.

– Странно, – сказала Сашка. – Спят они, что ли? Который час?

Костя обернулся, чтобы ей ответить, в этот момент дверь скрипнула и открылась. Костя отступил, чуть не свалившись с порога.

В дверном проеме стоял высокий, баскетбольного роста парень с черной повязкой через правый глаз. Был он болезненно худ и как-то скособочен, будто одна половина тела у него была сведена постоянной судорогой. Его единственный глаз, голубой, поглядел на Костю и переметнулся на Сашку. Сашка попятилась.

– Первокурсники? – спросил парень сиплым, будто сорванным голосом. – Поселяться? Ордера есть? Заходите...

Парень скрылся в темноте, оставив дверь приоткрытой. Сашка и Костя переглянулись.

– Мы тоже такими будем? – с преувеличенной кротостью поинтересовался Костя. Сашка промолчала: шутка показалась ей неудачной.

Они вошли. Изнутри барак был немногим веселее, чем снаружи: коричневый линолеумный пол, стены, выкрашенные синей краской до уровня глаз и оштукатуренные выше, лестница с железными перилами. Откуда-то вырывались струи пара, и слышался шум воды в душе.

– Сюда, – одноглазый парень обнаружился за канцелярским столом, над которым висел фанерный щит со многими ключами. – Ты, девочка, пойдешь в комнату двадцать один, это второй этаж. А ты, мальчик, в седьмую, это по коридору направо. От двадцать первой ключ – вот. А в седьмой живут два второкурсника, они уже приехали.

– Вы тут работаете? – нерешительно спросила Сашка.

– Подменяю. Я на третьем курсе, вообще-то. И зовут меня Витя.

Парень подмигнул единственным глазом и засмеялся. Половина лица оставалась при этом неподвижной, только уголок рта уехал куда-то вниз. Смотреть на этот смех было так жутко, что Сашка чуть было не разревелась.

Подхватив чемодан, не замечая его тяжести, она рванула вверх по лестнице. Там был точно такой же коридор, тускло блестел линолеум, на белых дверях, выкрашенных масляной краской, темнели номерки. Сашка дошла до номера «двадцать один», трясущейся рукой сунула ключ в дверную скважину и, после минуты лихорадочных усилий, отперла.

Три панцирных кровати под полосатыми матрацами. Три письменных стола, три тумбочки. Дверцы встроенного в стену шкафа. Большое окно, приоткрытая форточка, пыльный подоконник. Сашка втащила внутрь чемодан, села на ближайшую кровать и разрыдалась.

Минут пять она оплакивала свою жизнь и свою беду, когда в коридоре раздались шаги. Сашка едва успела вытереть слезы: в дверь стукнули и тут же, не дожидаясь ответа, вошли две девочки: Сашка видела их мельком, в коридоре, по дороге из деканата в общежитие. Обеим было лет по семнадцать: одна блондинка в голубом джинсовом костюмчике, другая – русоволосая, круглая, в юбке до колен и трикотажной кофте.

– Привет, – пробасила русоволосая.

– Привет, – сказала блондинка и тут же спросила, увидев Сашкины красные глаза: – Ты чего?

– Да так, – Сашка отвернулась. – По дому соскучилась.

– Ага, – блондинка рассеянно огляделась. – Понятненько...

– А по мне, так даже хорошо, – сказала русоволосая, подтаскивая свои вещи к кровати у окна. – Свободная жизнь, никто над душой не стоит. Делай, что хочешь.

Сашка подумала, что делать, что хочет, она не сможет, наверное, до самой смерти. А будет, наоборот, делать то, чего смертельно не хочет. Смотреть в глаза Коженникова, скрытые за черными очками, и выполнять, выполнять любые его капризы под страхом расправы...

Вслух она ничего не сказала. Да и голос не очень-то повиновался.

Блондинка мельком глянула на нее.

– Я, вообще-то, здесь жить не буду, – сказала задумчиво. – Сниму, наверное, хату где-нибудь поблизости. Вам же лучше – места больше.

Сашка промолчала. Русоволосая пожала плечами: хозяин, мол, барин.

– Я Лиза, – сказала блондинка, обращаясь к Сашке. – А это Оксана.

– Александра, – сказала Сашка хрипло. – Самохина Саша.

– Мы, значит, на одном курсе? – Лиза не сводила с нее голубых оценивающих глаз.

– Значит.

– А пыли-то здесь, – проворчала Оксана, водя пухлым пальцем по столам и подоконнику. – А за постельным бельем куда идти, знает кто-то? Комендантша тут как, нормальная?

Лиза перестала глядеть на Сашку. Пройшла по комнате, тронула дверцу шкафа, дверца хрипло завизжала.

– Давайте за знакомство, – предложила Оксана. И тут же, не дожидаясь согласия, стала выставлять из сумки на тумбочку банки, лотки и пакеты. Вытащила пластиковую посуду, ловко

отделила от гофрированной трубы три белых стаканчика; придерживая рукой, плеснула в каждый из мутной пластиковой бутылки.

– Берите, девки. По-соседски. Угощайтесь: вот колбаска домашняя, вот огурчики. Вот хлеб, ну, что осталось.

– С утра? – уточнила Лиза.

– Да по чуть-чуть, что нам, – Оксана подхватила огромный ломоть колбасы. – Чтоб хорошо училось, чтобы весело жилось. Поехали!

Сашка взяла стаканчик, на дне которого плескалась белесая жидкость. Пахло дрожжами.

– Это что?

– Самогон, – Оксана улыбалась во весь рот. – Давай, чок-чок!

Она стукнула своим стаканом по Лизину, потом по Сашкиному, опрокинула, выпучила глаза и принялась закусывать колбасой. Лиза чуть отхлебнула от своего стакана. Сашка хотела отказаться, но потом подумала: с какой стати? И, задержав дыхание, выпила мутную жидкость, как микстуру.

Большей гадости она никогда в жизни не пила. Те спиртные напитки, которые доводилось до сих пор пробовать – шампанское на Новый год и на день рождения, сухое красное вино – имели вкус и приятно пахли. Самогон встал ей поперек горла, перехватив дыхание.

– Закусывай! – крикнула Оксана. – Огурчик возьми!

Сашка, не вытирая навернувшиеся слезы, кинулась грызть огурец, и жирную колбасу, и черный хлеб с тмином. Захотелось пить, но воды ни у кого не было. Деятельная Оксана заявила, что здесь должна быть кухня, а на кухне чайник, и что сейчас она все разузнает. За ней закрылась дверь.

Сашка перевела дыхание. Комната покачивалась перед глазами, и было не то чтобы хорошо – но было ощутимо легче, и захотелось поговорить.

Ей захотелось спросить Лизу, как она попала в институт специальных технологий. И не было ли в ее жизни Фарита Коженникова. И что она думает делать дальше. Очень хотелось рассказать про свой страх и про монеты, про Валентина с его предынфарктным, про маму, про записку, случайно найденную в ячейке камеры хранения. И Сашка уже открыла рот – но вдруг замолчала.

Она представила: а что, если Лиза-то, в отличие от нее, не сумасшедшая? Поступила в институт, как все поступают, знает, чего хочет? Или сбежала из постылой семьи? Или спаслась от скандала? Или еще что-то, обыденное, человеческое, а тут Сашка со своими бреднями?

С другой стороны, монеты...

– С тебя тут... денег... никто не брал? – спросила Сашка отрывисто.

– Взятки здесь не берут, – рассеянно сказала Лиза. – А если ты про *те* монеты... То я их раньше сдала своему куратору. Если ты об этом...

Распахнулась дверь, ворвалась Оксана с горячим чайником в одной руке и пачкой чая – в другой.

– Девки, там нормальная кухня, даже посуда есть! Здесь будем пить чай или туда пойдем?

– Я чая не хочу, – Лиза поднялась. – Пойду, пройду... Не забудьте, что в два у нас обед. По талонам.

* * *

Лиза вернулась, когда Сашка с Оксаной заканчивали уборку: оставалось только вымыть пол и вынести мусор. Поначалу Сашка, ослотившаяся от самогона, не желала ни во что такое ввязываться, но Оксана оказалась настырной: что же им, в свинарнике жить, надо сперва навести порядок, а потом уж отдыхать. Она приговаривала и тормошила; Сашка обнаружила себя с тряпкой в руке на подоконнике, потом в очереди за постельным бельем в коморке комен-

дантши – первокурсники прибывали и прибывали, нервные, напуганные или, наоборот, веселые и шумные, Сашка непрерывно знакомилась с новыми соучениками, их имена моментально вылетали у нее из головы. Появился и пропал Костя – бледный, встрепанный, с обалдевшими глазами. Сашка притащила на второй этаж три комплекта сероватого, пахнущего прачечной белья, за это время Оксана успела протереть шкаф изнутри, столы, подоконник и даже ножки кроватей.

Вернулась Лиза. Перешагнула через гору мусора у порога, вздохнула, прошествовала к своей кровати, где высилась на матрасе стопка белья.

– Нагулялась? – весело спросила Оксана.

Лиза молча легла на полосатый матрас и отвернулась лицом к стене.

* * *

Студенческая столовая помещалась в подвале – на нижнем, подземном этаже самого института. До начала занятий – до первого сентября – работал только буфет, но и в буфете давали по талонам прозрачный бульон в блестящих эмалированных мисках, с круглыми тефтелями на дне, и вермишель с курицей. Компот можно было брать в неограниченных количествах – хоть по три или четыре стакана.

– Хорошо кормят, – сказала Оксана.

Сашка заметила в буфете Костю. Попутчик сидел над тарелкой, нахохлившись, крошил хлеб в бульон и смотрел сквозь обедающих, не замечая их.

Сашка подошла с твердым намерением: не обрадуется – немедленно уходит.

Костя обрадовался. Куда больше, чем предполагала Сашка. Отодвинул стул, предлагая ей садиться рядом. Предложил стакан компота. Сашка не отказалась.

– Как ты, устроилась? – и сразу, без перехода: – Слушай, они сумасшедшие.

– Кто?

– Да те пацаны, с которыми меня поселили. Второкурсники. Один заикается так, что глаза на лоб вылезают, и все время хихикает. А второй застревает.

– Как?

– Ну, потянется рукой, чтобы книжку с полки достать, и вдруг застрянет, как будто... как будто заржавел. Стоит в дурацкой позе, тянется, дергается... вроде даже скрипит... потом как будто его отпустит, он достает книгу и читает, как ни в чем не бывало. И все время переглядываются за моей спиной... Перемигиваются... Жуткие такие. Что мне, в одной комнате с ними – спать?!

Костя осекся. До него вдруг дошло, что он изливает душу – жалуется! – девчонке, с которой впервые встретился сегодня утром. Вероятно, по Костиному внутреннему кодексу такое поведение не было достойно мужчины; он смутился, помрачнел и уткнулся взглядом в тарелку.

– А я с первокурсницами в одной комнате, – сказала Сашка. – Вроде бы, нормальные девчонки. Более-менее.

Костя поднял глаза:

– Ты посмотри. Здесь же весь второй курс... и третий... калеки какие-то. Вот... смотри!

Сашка обернулась. По проходу между столиками гурьбой шли третьекурсники, возглавляемые одноглазым Витей. Длинный, тощий и скособоченный Витя припадал на левую ногу, так что тарелки у него на подносе подпрыгивали, грозя опрокинуться. За Витей, направляясь к дальним пустым столикам, шагал плечистый парень в ярко-красной футболке и линялых джинсах, улыбался и то и дело налетал на стулья, как слепой. Стулья грохотали, иногда падали, парень не обращал внимания и шел дальше. Рядом, погруженная в себя, брела девушка на высоченных каблучищах. Смотрела в пол так, будто видела на гладком линолеуме нечто, недопустимое остальным. Время от времени прицельно ударяла каблуком, словно вбивая гвоздь,

замирала на секунду, с усилием поднимала ногу (тогда казалось, что каблук вонзился в пол до самого основания) и, покачиваясь, шла дальше.

– Паноптикум, – еле слышно сказал Костя. – Откуда они таких набирают?

Сашка мельком на него взглянула.

– Первокурсники вроде нормальные, – повторила сухо.

– А, – Костя поболтал ложкой в остывшем бульоне. – Да. Я уже поел... Пошли?

* * *

На почте пахло сургучом, и молодая мамаша с коляской отправляла куда-то большую, всю перевязанную шпагатом посылку. Почтальонша была одна на всех, поэтому Сашка сперва дождалась, пока обслужат мамашу, а потом заказала у пожилой тетеньки с фиолетовыми волосами междугородний разговор. Вошла в гулкую кабинку, с замиранием сердца выслушала длинные гудки в трубке и подпрыгнула от радости, когда на том конце провода отозвалась мама:

– Аллю!

Мама кричала в трубку, наверное, было плохо слышно. Сашка тоже кричала:

– Ма! Это я! Все хорошо! Устроилась! Тут дают обеды! Завтра первый день занятий! Как у тебя?

Она выкрикнула это, как речевку на параде, и выслушала ответную мамину тираду: все хорошо, Валентин звонил из Москвы, все здоровы...

– Я буду звонить с почты! Ну, пока!

Среди открыток на стойке Сашка выбрала одну, «На память из древней Торпы». На картинке изображена была площадь с фонтаном, в котором плавали лебеди. Сашка купила открытку и конверт, напечатала адрес, бросила в огромный синий ящик с почтовым символом на крышке. Пакет глухо стукнул о жестяное дно.

От почты до общежития было пятнадцать минут ходьбы. Погода испортилась, накрапывал дождь. Втянув голову в плечи, Сашка вместе с порывом ветра взбежала на бетонное крыльцо и дернула на себя скрипучую дверь общаги.

По коридору первого этажа шел, удаляясь от Сашки, незнакомый парень. Сделав шаг или два, вдруг замирал в движении, будто стоп-кадр. Стоял так несколько секунд, потом, с ощутимым усилием сдвинувшись с места, продолжал свой путь. Повернулся, ткнулся в стену рядом с дверью. Отошел. Со второй попытки ухватился за ручку, потянул дверь на себя...

Сашка кинулась вверх по лестнице.

Лиза и Оксана курили, сидя на кроватях. Окно было распахнуто настежь, дым не желал вытягиваться, зато врвался холодный ветер, пересыпанный, как бисером, каплями дождя.

– Вы бы, может, в туалете курили? – растерянно спросила Сашка.

Ледяное молчание было ей ответом.

* * *

– Здравствуйте, первокурсники.

Актный зал представлял собой большое пыльное помещение. Заняты были только три или четыре последних ряда. Темные занавески, прикрывавшие окна, пропускали ровно половину необходимого света; позади сцены белел экран. Как в сельском клубе, подумала Сашка.

– По школьной привычке забиваемся на камчатку? – человек, поднявшийся на невысокую сцену, окинул сидящих взглядом. – Не пройдет... – И добавил, не повышая голоса:

– Дайте свет.

Люстра под потолком вспыхнула, отчего в полутемном зале сразу стало светло, как в оперном театре во время антракта.

– Пересаживаемся на первые ряды, – сказал человек на сцене. – Быстро, быстро.

Первокурсники зашевелились, запереглядывались, потом нехотя потянулись ближе к сцене. Сашка и Костя пристроились во втором ряду с краю, поэтому все, пробивавшиеся к середине ряда, спотыкались об их ноги.

Человек на сцене ждал. Он не был похож на преподавателя ВУЗа, какими Сашка их представляла: вместо костюма на нем были джинсы и полосатый свитер, светлые прямые волосы забраны в «хвост», на носу очки – длинные и узкие, как лезвия, они были сконструированы, кажется, специально для того, чтобы удобнее было смотреть поверх стекол.

– Меня зовут Олег Борисович. Олег Борисович Портнов. Юноша в пятом ряду... да, вы. Не стесняйтесь, подсаживайтесь ближе. Нас не так много, есть места. Поздравляю вас, девушки и молодые люди, со значительным событием в вашей жизни: поступлением на первый курс института специальных технологий города Торпы. Вас ждет интересная жизнь и напряженная работа... Девушка, – его палец указал на Лизу, которая наклонилась, чтобы что-то сказать Оксане. – Когда я говорю, все прочие молчат. Запомните на будущее.

Лиза поперхнулась. В зале сделалось тихо. Портнов прошелся по сцене, заложив руки за спину; его взгляд перебирался с лица на лицо, медленно, будто луч фонарика в темноте.

– Итак, вы студенты. В честь этого вашего посвящения сейчас будет исполнен студенческий гимн – если кто знает слова, подпевайте.

В динамиках грянул торжественный аккорд. Портнов жестом велел всем подняться. Невидимый хор запел с полагающейся торжественностью:

– Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post jucundam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!

Сашка быстро огляделась. Подпевали немногие. Лиза стояла, плотно сжав губы. Оксана вслушивалась, пытаясь разобрать слова: похоже, с латынью у нее было туго. Сашка-то учила этот текст, учила на курсах, и переведенный текст такой, казалось бы, задорной песни никогда не вызывал у нее особого энтузиазма: «После приятной юности, после тягостной старости нас возьмет земля...» Хорошенькое начало!

– Vita nostra brevis est,
Brevi finietur;
Venit mors velociter,
Rarit nos atrociter,
Nemini parcetur!

Этот куплет она не любила особенно: в нем всем обещалась скорая смерть, которая не щадит никого. Vita nostra... «Жизнь мы краткую живем, призрачны границы...» Может быть, средневековым студентам было пофиг, мрачно думала Сашка. Может, если бы я сейчас слушала «Гаудеамус» дома, в нашем универе, мне тоже было бы пофиг, и я бы ни о чем таком не думала. Но я в Торпе.

– Vivat Academia,
Vivant professores!

Vivat membrum quodlibet,
Vivat membra quaelibet
Semper sint in flore!

Песня отзвучала. Студенты сели, как после минуты молчания. Портнов остановился на самом краю сцены, нависая над первыми рядами, вглядываясь в лица. Сашка поймала на себе его взгляд – и потупилась.

– А сейчас мы вместе посмотрим короткий фильм – презентацию нашего института. Прошу всех быть очень внимательными, не разговаривать и не отвлекать соседей. Давайте ролик.

Свет погас. Темные шторы на окнах дернулись и сошлись плотнее. На экране позади сцены возник светлый прямоугольник, и Сашка вспомнила киножурналы из раннего детства: в черно-белом изображении, появившемся на экране, было что-то глубоко архаичное.

– Добро пожаловать в древний город Торпу, – сказал глубокий дикторский голос. – Вас приветствует институт Специальных Технологий!

Из темноты выплыл и ярко вспыхнул логотип – округлый знак, точно такой же, как на аверсе золотой монеты. Сашка обмерла.

За прошедшую ночь она успела передумать обо всем. То шептала, зажмурив глаза: «Хочу, чтобы это был сон!». То лежала, глядя в потолок. То на полном серьезе верила, что попала в секретную лабораторию, где на молодых парнях и девушках ставят эксперименты, и они превращаются в калек. То вдруг успокаивалась, начинала видеть в своем положении преимущества: а вдруг ее научат чему-то удивительному, вдруг Фарит Коженников – инопланетянин и ей посчастливится увидеть другие планеты...

Ночью общежитие не спало: где-то шумели, пели под гитару, где-то гремел магнитофон. То и дело кто-то с топотом пробежал по коридору – туда, обратно. Кто-то звал кого-то из окна. Кто-то непрерывно смеялся. Обалдев от бессоницы, Сашка наконец провалилась в беспамятство, и снился ей какой-то бред. А в половине седьмого утра Оксана начала шелестеть полиэтиленовыми кулками, распространяя вокруг запах соленых огурцов, от этого шелеста и от этого запаха Сашка проснулась и больше не смогла сомкнуть глаз.

Теперь она смотрела на экран. Фильм был древний, старше самой Сашки, от дикторского голоса в динамиках закладывало уши, но ничего нового или хотя бы конкретного Сашка, как ни старалась, так и не услышала. Торпа – древний прекрасный город. Традиции высшего образования. Молодежь, вступающая в жизнь, и так далее, и тому подобное. Сменяли друг друга черно-белые кадры: улицы Торпы, в самом деле живописные. Фонтан с лебедями. Фасад института, фасад общежития, стеклянный купол над конной статуей. Диктор вещал о том, как правильно выбранный институт предвосхищает трудоустройство и карьеру, о молодых специалистах, выпускаемых ежегодно, о бытовых условиях в общежитии, о славных традициях – слова были знакомые и аморфные, их можно было переставлять так и эдак. Сашка и оглянуться не успела, как ролик закончился, экран погас и снова включился свет.

Первокурсники жмурились, переглядывались, пожимали плечами. Портнов широкими шагами пересек сцену, остановился на краю, заложив руки за спину:

– Торжественную часть будем считать оконченной, приступаем к работе. В этом году на первый курс зачислено тридцать девять человек, из них будет сформировано две группы. Группа «А», условно говоря, и группа «Б». Как в школе. Понятно?

Первокурсники молчали.

– Попрошу выйти на сцену подопечных Лилии Поповой и Фарита Коженникова.

Сашка сглотнула и осталась сидеть. По скрипучей лестнице на сцену поднялась Лиза, нервно одернула очень короткую юбку, встала с краю. Рядом с ней пристроился высокий

парень, которого Сашка видела мельком в буфете. Кто-то выбирался из середины ряда, и, проходя мимо Сашки, снова споткнулся о ее ноги.

– Пойдем? – тихо спросил Костя.

Сашка поднялась.

Сцена была широкая, девятнадцать человек могли бы растянуться от кулисы к кулисе, держась за руки. Но все стояли кучкой, тесно, будто норовя спрятаться друг другу за спину.

– Перед вами группа «А» первого курса, – Портнов широким жестом указал на сцену. – Прошу любить и жаловать.

В зале кто-то несколько раз хлопнул в ладоши.

– Расписание будет вывешено на стенде сразу после первой пары. Группа «Б», сидящая в зале, сейчас отправляется на физкультуру, спортзал на третьем этаже, начало занятия через пять минут. Вторая пара у вас – специальность, тогда мы с вами встретимся снова и поговорим подробнее. У группы «А» специальность на первой паре, аудитория номер один. Сейчас организованно отправляемся на занятия. Осталось четыре минуты, опоздания у нас не приветствуются.

Портнов спустился по скрипучей лесенке и покинул зал через боковую дверь. Лиза отошла вглубь сцены и еще раз одернула мини-юбку. Сашка поразилась, какие у нее длинные ноги.

– Саш!

Сашка оглянулась. Оксана, все в той же трикотажной кофте, махала ей рукой из зала.

– В разных группах будем. Жалко, правда?

– Сейчас на физру... – пробормотал кто-то.

– У меня и кроссовок нет... Только тапочки...

Группа «Б» потихоньку вытягивалась из зала. Сашка обернулась к Косте.

– Кто такая эта Лилия Попова? – спросила шепотом.

Костя мотнул головой:

– Понятия не имею.

– Как, – Сашка поразилась. – Ты ведь... Как ты вообще сюда попал, ты говорил, что тебя отец...

– Отец, – Костя кивнул. – Фарит Коженников – мой отец. А что?

* * *

Аудитория номер один находилась на первом этаже, и вход в нее был из холла с конной статуей. Снаружи било солнце, стеклянный купол сиял, как линза прожектора. Свет омывал бока коня и всадника, скатывался, будто вода с тюленя. На полу лежали четкие тени огромных ног в стремях.

– Почему ты не говорил, что он твой отец?

– Откуда я знал, что ты его тоже знаешь? Я думал...

– Если он... если ты его сын, то как же... как он мог тебя в эту дыру засунуть?!

– Откуда я знаю? Я его не видел много лет... Они с матерью развелись, когда... ну, не важно... Он появился и поставил условие, ну и...

– Но он точно твой отец?

– Наверное, да, если меня зовут Коженников Константин Фаритович!

– Блин, – сказала пораженная Сашка.

Группа «А» ручейком влилась в небольшую аудиторию, похожую на школьный класс. Коричневая доска с тряпкой и мелом на полочке усиливала сходство. Едва успели рассестись, пристроив на полу сумки, как в коридоре гулко прозвенел звонок, и одновременно – секунда в секунду – вошел Портнов: длинный светлый «хвост» на спине, очки на кончике носа, пристальный взгляд поверх узких стекол.

Отодвинул стул перед массивным преподавательским столом. Уселся. Сплел пальцы.
– Ну что же... еще раз здравствуйте, студенты.

Мертвая тишина была ему ответом, только билась в стекло ошалевшая муха. Портнов развернул тонкий бумажный журнал, пробежал глазами по списку:

- Гольдман Юлия.
- Есть, – слышалось с задней парты.
- Бочкова Анна.
- Есть, – сказала толстенькая девочка с болезненно-бледным лицом.
- Бирюков Дмитрий.
- Есть.
- Ковтун Игорь.
- Есть.
- Коженников Константин.

По аудитории пробежал ветерок. Повернулись многие головы. Костя напрягся.

- Здесь, – сказал сдавленным голосом.
- Коротков Андрей, – как ни в чем не бывало продолжал Портнов.
- Есть.
- Мясковский Денис.
- Здесь!

Сашка слушала переключку, водя ручкой по краю бумажной страницы. Девятнадцать человек. У них в классе было почти сорок...

- Павленко Елизавета.
- Я, – сказала Лиза.
- Самохина Александра.
- Я, – выдохнула Сашка.
- Топорко Евгения.
- Есть, – пробормотала маленькая, очень юная с виду девочка с двумя длинными косами на плечах.

– Все в сборе, – удовлетворенно признал Портнов. – Доставайте тетрадки, раскрывайте на первой странице, пишите сверху: Портнов Олег Борисович. Если кто не понял, я буду преподавать у вас специальность.

Первокурсники завозились. У Кости не оказалось тетрадки. Предусмотрительная Сашка вырвала для него лист.

– На будущее: учебники и тетради носить на каждое занятие. По поводу учебников, – Портнов отпер деревянный шкаф в углу и вытащил стопку книг. – Самохина, раздайте товарищам книги.

Сашка, верная синдрому отличницы, встала прежде, чем удивилась. Самому памятливому учителю требовалось несколько дней, чтобы запомнить имена и фамилии учеников. Портнов запомнил всех с одного раза – или зачем-то выделил только Сашку?

Она приняла из его рук тяжелую стопку, пахнущую старой библиотекой. Книги были одинаковые и не очень новые. Сашка прошла по аудитории, выкладывая на каждый стол по два экземпляра.

На обложке был абстрактный узор из цветных кубиков. Черные буквы складывались в два слова: «Текстовый модуль». Внизу стояла большая цифра «1».

– Книги не раскрывать, – негромко сказал Портнов, прежде чем кто-то из первокурсников, любопытствуя, приподнял обложку.

Все руки отдернулись. Снова стало тихо. Сашка, положив последнюю пару книг на их с Костей стол, села на свое место.

– Слушаем меня, студенты, – все так же негромко продолжал Портнов. – Вы находитесь в начале пути, на котором от вас потребуются все ваши силы. Умственные и физические. То, что мы будем изучать, дается не каждому. То, что оно делает с человеком, выдерживает не всякий. Вы тщательно отобраны, у вас есть все данные для того, чтобы пройти этот путь успешно. Наша наука не терпит малодушия и жестоко мстит за лень, за трусость, за малейшую попытку уклониться от полного овладения программой. Понятно?

Муха, в последний раз ударившись о стекло, замертво упала на подоконник.

– Каждому, кто будет прилежно учиться и отдавать занятиям все силы, я гарантирую: к концу обучения он будет жив и здоров. Однако небрежность и равнодушие плохо заканчиваются для наших студентов. *Исключительно* плохо. Понятно?

Слева от Сашки взметнулась рука.

– Да, Павленко, – сказал Портнов, не глядя.

Поднялась Лиза, конвульсивным движением одернула юбку.

– Понимаете, нас ведь не спрашивали, когда сюда направляли, – голос ее дрожал.

– И что же? – Портнов смотрел с интересом.

– Разве вы можете требовать от нас... чтобы так уж настойчиво учились... если мы не хотим? – Лиза с трудом заставляла себя не срываться на писк.

– Можем, – легко согласился Портнов. – Когда ребенка учат ходить на горшок, никто не спрашивает его согласия, верно?

Лиза постояла еще – и села. Ответ Портнова ее огорошил. Сашка молча переглянулась с Костей.

– Продолжаем, – как ни в чем не бывало сообщил Портнов. – Вы – группа «А» первого курса. Я буду вести у вас специальность – теоретические лекции плюс индивидуальные занятия. С каждым новым семестром работа будет усложняться, со временем появятся другие специальные дисциплины. Учтите, что физкультура в нашем ВУЗе является профилирующим предметом, со всеми вытекающими. Кроме того, в первом семестре вам придется заниматься философией, историей, английским и математикой. В школе большинство из вас училось хорошо, поэтому простого выполнения домашних заданий по этим предметам будет достаточно... Чего, к сожалению, нельзя сказать о специальности. Вам будет трудно. Особенно поначалу.

– Вы уже нормально так нас запугали, – сказал кто-то с задних рядов.

– Руку, Ковтун, сначала рука, потом ваше соображение. На будущее: за нарушение дисциплины будет выдаваться дополнительное задание по специальности. Ясно?

Тишина.

– Хорошо. С вводной частью худо-бедно закончили. Начинаем занятие. Коженников, будьте добры – возьмите мел и нарисуйте на доске горизонтальную черту.

– В середине? – решил уточнить Костя.

Портнов глянул на него поверх очков. Костя, потупившись, взял мел и старательно провел прямую линию от края доски и до края.

– Спасибо, садитесь. Группа, смотрим на доску. Что это?

– Горизонт, – сказала Сашка.

– Может быть. Еще?

– Натянута веревка, – предположила Лиза.

– Дохлый червяк, вид сверху! – решил пошутить Игорь Ковтун.

Портнов ухмыльнулся. Взял с полки мел, нарисовал бабочку в верхней части доски. Внизу, под чертой, нарисовал такую же, но пунктиром.

– Что это?

– Бабочка.

– Махаон.

– Капустница!

– Проекция, – сказала Сашка после коротенькой паузы.

Портнов глянул на нее с интересом.

– Так. Что такое проекция, Самохина?

– Изображение... чего-либо на плоскости. Отражение. Тень.

– Выйдите сюда.

Сашка неловко выбралась из-за стола. Портнов, бесцеремонно взяв ее за плечи, развернул лицом к группе; Сашка успела увидеть удивленный взгляд Юли Гольдман, чуть презрительный – Лизы, заинтересованный – Андрея Короткова; в следующую секунду ей на глаза опустился черный платок, и стало темно.

Кто-то нервно хихикнул.

– Что вы видите, Самохина?

– Ничего.

– Совсем ничего?

Сашка помолчала, боясь ошибиться.

– Ничего. Темнота.

– То есть вы слепая?

– Нет, – обиженно сказала Сашка. – Просто, если человеку завязать глаза, он не будет видеть.

В комнате слышался теперь уже откровенный смех.

– Внимание, аудитория, – сухо сказал Портнов. – На самом-то деле, каждый из вас сейчас находится на месте Самохиной. Вы слепы. Вы таращитесь в темноту.

Смешки стихли.

– Мира, каким вы его видите, не существует. Каким вы его воображаете – не существует и в помине. Некоторые вещи кажутся вам очевидными, а их просто нет.

– Вас тоже нет? – вырвалось у Сашки. – Вы не существуете?

Портнов снял с нее платок. Под его взглядом она растерянно заморгала.

– Я существую, – сказал он серьезно. – Но я – совсем не то, что вы думаете.

И, оставив Сашку в состоянии столбняка, свернул платок комочком, небрежно бросил на край стола:

– Садитесь, Самохина. Продолжаем...

Сашка вскинула руку. Рука дрогнула, но Сашка упрямо продолжала держать ее; Портнов устало прикрыл глаза:

– Что еще?

– Я хотела спросить. Чему вы нас будете учить? Какой специальности? И кем мы будем, когда закончим институт?

По аудитории пронесся одобрителный шепоток.

– Я собираюсь дать вам представление об устройстве мира, – с подчеркнутой кротостью в голосе объяснил Портнов. – И, что самое важное, о вашем – каждого – месте в этом мире. Большого сейчас не могу вам сказать – вы не поймете. Еще вопросы есть?

Подняла руку девочка с косичками – Женя Топорко:

– Скажите, пожалуйста...

– Да? – в голосе Портнова проскользнуло раздражение. Женя дрогнула, но заставила себя продолжать:

– Если я не хочу дальше учиться... Хочу забрать документы. Можно это сделать прямо сегодня?

В аудитории снова стало тихо. Костя выразительно глянул на Сашку. У Лизы Павленко загорелись глаза.

– Очень важно расставить все точки над «Ё», – холодно сообщил Портнов. – Вы прошли серьезный конкурс и поступили в солидный институт, который не терпит сомнений, метаний и прочих глупостей. Документы забрать *нельзя*. Вы будете учиться здесь – или вас отчислят за неуспеваемость с одновременным помещением в гроб. Ваши кураторы, Фарит Коженников и Лилия Попова, остаются с вами до пятого курса – в их обязанности входит обеспечивать вам стимул для прилежной учебы. Я надеюсь, каждый из вас уже успел познакомиться как следует со своим куратором.

За минуту перед этим Сашке казалось, что тише быть не может, но теперь над столами разлеглась просто убийственная тишина. Мертвая.

– Раскрыли учебники на странице три, – буднично сказал Портнов. – Читаем параграф номер один, медленно, вдумчиво и не пропуская ни буквы. Начали, – он уселся за стол и еще раз обвел аудиторию взглядом.

Сашка раскрыла учебник. На внутренней обложке не было никакого текста – ни авторов, ни исходных данных. «Текстовый модуль 1, параграф номер 1». Страницы пожелтели, истрепались на уголках, шрифт был самый обыкновенный – как во всех учебниках...

Сашка начала читать.

И споткнулась на первой же строчке. Слово за словом, абзац за абзацем – книга состояла из полнейшей абракадабры.

Первой ее мыслью было: типографский брак. Она покосилась в учебник Кости, одновременно он заглянул в ее учебник.

– У тебя тоже такое?

– Разговоры, – негромко сказал Портнов. – Читаем. Внимательно. Я предупреждал, что будет тяжело.

– Это не по-русски, – тихо пискнула Аня Бочкова.

– А я не обещал, что это будет по-русски. Читайте, молча, про себя. Время идет.

Сашка опустила голову.

Кто-то засмеялся. Хихиканье пронеслось по классу, как эпидемия от очага к очагу, но Портнов никак не отреагировал. Смех затих сам собой. Сашка проридалась сквозь длинные, бессмысленные сочетания букв, и у нее волосы поднимались дыбом. Ей казалось, что кто-то вслед за ней повторяет эти звуки в темной комнате с зеркалами вместо стен, и каждое слово, отразившись по много раз, обретает смысл, но к этому моменту Сашка уже уходит на два абзаца вперед, и смысл отлетает от нее, как дым от быстро идущего паровоза...

Когда параграф – довольно короткий – закончился, она была мокрая с головы до ног. С трудом перевела дыхание. Пять абзацев в самом конце были выделены красным.

Снаружи прозвенел звонок.

– Задание на дом, – сказал Портнов. – Параграф прочитать три раза от начала до конца. То, что напечатано красным, выучить на память. Наизусть. Вызубрить. Завтра у нас индивидуальные занятия на третьей паре, список составит Коженников.

– Почему я? – взметнулся Костя.

– Потому что ты староста, – сухо сказал Портнов. – Все свободны. Идите на физкультуру.

* * *

Группа “А”, необыкновенно молчаливая, остановилась в холле, у подножья широкой лестницы. Сверху, весело переговариваясь, спускались представители группы “Б” – видимо, физкультура пошла им на пользу. Впереди шагала Оксана, и раскрасневшиеся щеки ее горели в полумраке, как два арбузных среза.

– Чего это вы такие прибитые? – при виде параллельной группы Оксана сбавила шаг.

– Узнаешь, – мрачно отозвалась Лиза.

– Ну пошли, что ли, на физру... – нерешительно предложил Костя. – Не стоять же тут до ночи...

– Староста, – сказала Лиза с непонятной интонацией. – Твоя фамилия Коженников?

– Да, ну и что?

– Кем тебе приходится Фарит... прости, не знаю отчества?

Костя сжал кулаки:

– Отцом! Ну и что? Ну и что?!

– Отстань от него, он ни в чем не виноват, – тихо сказала Сашка. – Он в той же дыре, что и мы... его тоже сюда загнали.

Лиза круто развернулась и первая двинулась вверх по лестнице. Ее короткая юбка плотно облегла попу, мелькали длинные загорелые ноги.

– Гм, – задумчиво сказал Андрей Коротков, высокий плечистый парень старше многих – наверное, попал в институт уже после армии.

Сашка, не глядя больше ни на кого, побрела вслед за Лизой – на третий этаж, к двери со скромной надписью «Спортзал».

* * *

Физрук оказался ослепительным черноволосым красавцем лет двадцати пяти. Тоненькая желтая майка облегла мощные мышцы на груди и спине, голые плечи и руки бугрились мускулами. Выстроив группу «в шеренгу по одному», Дмитрий Дмитриевич – так его звали – бесхитростно выложил всю свою историю: занимался борьбой, побеждал и делал успехи, получил травму, пришлось оставить большой спорт и уйти на тренерскую работу, а так как опыта нет – кстати оказалось и преподавание в провинциальном институте. Рассказывая, физрук застенчиво улыбался; Сашка поняла, почему такой веселой казалась группа «Б», особенно девочки. Дима Димыч – а звать его иначе не представлялось возможным – был похож на тигренка-подростка, могучего, искреннего, и мысль о том, что физкультура на первом курсе по расписанию – четырежды в неделю, вместо законного отвращения теперь вызывала восторг. Дима напомнил, что на каждое занятие необходимо являться в спортивной форме и обуви, пообещал вести секции – борьбы для мальчиков и настольного тенниса для всех. Юля Гольдман, разбитная и веселая, тут же возмутилась дискриминацией: почему, спросила она, борьба только для мальчиков? Девочки что, не имеют права бороться? Дима, к удовольствию собравшихся, покраснел и пообещал «что-то придумать». И, в качестве разминки, предложил пока снять обувь и поиграть в баскетбол, разбившись на три команды.

Пол в зале был совсем недавно покрыт толстым слоем краски. Ярко-зеленые, ярко-желтые поля, толстые белые линии, удары апельсинового баскетбольного мяча, запах резины и пота – Сашка бегала от кольца к кольцу, скорее изображая активность, чем в самом деле пытаясь повлиять на ход игры. То, что происходило сейчас, было нормальным, радостным, сочным ломтем жизни, и трудно было поверить, что полчаса назад она читала параграф номер один, повинаясь желанию садиста-преподавателя в продолговатых очках на кончике носа.

Здесь над ними издеваются. Заставляют читать и зубрить ерунду, чушь. Все равно, что чистить булыжную площадь зубной щеткой... Или рассортировывать зерна, которые снова будут перемешаны, и снова, и снова, а работа тяжелая, зернышки маленькие... И – бессмысленная работа. Наказание. Издевательство.

Только кому это надо? Кому нужен Институт Специальных Технологий со всем его штатом, столовой, деканатом, общежитием? Что это, гнездо садизма?

Костя передал ей мяч над головой Юли, Сашка поймала, повела, петляя, бросила в кольцо – но Лиза в последний момент сильно ударила ее по руке. Мяч ударился о край щита и отскочил в руки кому-то из соперников, и опять – тук-тук-тук – переместился на противоположный

конец зала, и Лиза побежала следом, одергивая мини-юбку, в которой, честно говоря, в баскетбол играть нежелательно...

Сашкина команда проиграла.

* * *

– Я не могу это запомнить! Не могу!

Учебник полетел в угол, ударился о дверцу шкафа, грохнулся на пол и остался лежать, раскинув желтоватые страницы. Оксана колотила по письменному столу, так что подпрыгивала настольная лампа:

– Не могу! Не стану это учить! Они над нами издеваются!

– Я тоже так думаю, – Лиза курила, сидя на подоконнике, майонезная баночка перед ней была полна окурков со следами помады.

– А что будет, если мы не выучим? – спросила Сашка.

Все три замолчали. Вопрос, мучавший их весь день, наконец-то был задан вслух.

Был вечер. За окном садилось солнце. Где-то брэнчали на гитаре. Позади был первый день учебы, специальность, физкультура, философия и мировая история. Третья и четвертая пара не принесли сюрпризов. Сашка записала в общей тетрадке, что такое основной вопрос философии и чем материализм отличается от идеализма, сделала заметки о стоянках первобытных людей и их укладе и получила на руки два самых обыкновенных учебника. Обед, обильный и вкусный, был съеден в гробовом молчании. Первый курс вернулся в общагу, засел за учебники, и очень скоро обнаружилось, что задание, данное Портновым, невыполнимо в принципе.

Прочитать эту чушь, заставляя себя на каждом шагу, еще можно было. Но *выучить* отмеченные красным абзацы – никак. Отказывался работать мозг, и перед глазами от усталости плыли пятна. Первой не выдержала Оксана, ее учебник пустился в полет через всю комнату.

– Я не могу это учить! – Оксана всхлипывала. – Пусть хоть режет меня!

Лиза хотела что-то сказать, но в этот момент в дверь постучали.

– Войдите, – сказала Сашка.

Вошел Костя. Прикрыл за собой дверь.

– Привет. Я тут... В смысле расписания на завтра. В смысле, индивидуальные на третьей паре и на четвертой.

– Староста, – сказала Лиза с неподражаемым презрением.

– Он сам, что ли, напросился? – огрызнулась Сашка.

– Учитывая, чей он сын...

– А какая разница, чей я сын! – вдруг закричал Костя, разбрасывая слюну изо рта. – Какая разница! Я спрашивал у тебя, кто твой отец? Я тебя трогал вообще?

И, грохнув дверью, он выскочил в коридор, а Сашка за ним.

– Костя. погоди. Не обращай внимания. Да погоди ты!

Не снижая скорости, Костя влетел в приоткрытую дверь мужского туалета. Сашка затормозила. Подумав, уселась на подоконник.

По коридору шел, осторожно ступая, третьекурсник. Медленно поворачивал голову, будто шея у него была железная, заржавленная. Иногда замирал, будто прислушиваясь к чему-то, и даже глаза его переставали двигаться, уставившись в одну точку. Потом он снова шел, и так, шаг за шагом, приближался к сидящей на подоконнике Сашке.

Несмотря на по-летнему теплый и солнечный день, он был в шерстяных перчатках. Лоб его закрывала широкая вязаная повязка – не то украшение, не то средство от головной боли.

– Привет.

Сашка не ждала, что он заговорит, и ответила автоматически:

– Привет.

– Первый курс? Кошмары? Истерики?

Сашка облизала губы.

– Ну, в общем, да...

– Понятно, – сказал третьекурсник. – Ты в школе отличницей была?

– А что? – спросила Сашка, нахмурившись.

Парень шагнул к ней. Остановился, покачиваясь, потом неожиданно легко подпрыгнул и сел рядом на подоконник.

– Тебе надо подстричься. Сделать каре. И помаду поярче.

– А тебе какое дело? – оскорбилась Сашка.

– Я твой старший товарищ, могу давать советы, – парень ухмыльнулся. – Валера, – и протянул руку в перчатке.

Сашке пришлось преодолеть себя, прежде чем она протянула руку в ответ и коснулась свалывшейся черной шерсти:

– Александра...

Она перевела дыхание и вдруг заговорила, понизив голос, очень быстро:

– Валера, скажи, объясни, ты уже должен знать: чему нас здесь учат?!

– Объяснить – значит упростить, – сообщил парень после паузы.

Сашка соскочила с подоконника:

– Пока.

– Подожди! – в голосе Валеры было нечто, заставившее ее остановиться. – Я не... выделываюсь. Выламываюсь. Прикалываюсь. Насмехаюсь. Насмешничаю. зубоскалю. Поддеваю. Я...

Он замолчал удивленно и даже растерянно – будто его собственные слова были тараканами, разбежавшимися от яркого света.

– Ты понимаешь. В самом деле трудно объяснить. Первый семестр самый трудный. Просто выдержи, и все. Дальше будет легче с каждым годом.

– А у меня есть выбор? – горько спросила Сашка.

Валера, все еще сидя на подоконнике, пожал плечами.

– Слушай, – сказала Сашка сухо, – пожалуйста, загляни в туалет и скажи парню... первокурснику... что я его жду. И пусть он перестанет прятаться.

* * *

В половине первого ночи Сашка сдалась. Закрыла книгу, уронила под кровать. Закрыла глаза и сразу же уснула.

Проснулась от запаха табачного дыма. Лиза курила, сидя у окна, Оксаны в комнате не было.

– Фу, – Сашка отмахнулась от густого клуба, зависшего прямо перед лицом. – Кури в туалете, а?

– Еще чего? – спокойно спросила Лиза.

Сашка с трудом поднялась. До начала первой пары оставалось полчаса, в коридоре бегали, топали, орали и смеялись.

Она помылась в окутанной туманом душевой, брезгливо переступая босыми ступнями на деревянных, разбухших от воды мостках. На то, чтобы высушить волосы, уже не оставалось времени. В кухне было не протолкнуться от галдящих, звенящих посудой, ожидающих своей очереди к электрическому чайнику. Сашка сунула нос – и ушла. Натянула джинсы и рубашку, рысцой направилась через двор к зданию института, к черному ходу.

Группа «А» пребывала в расстроенных чувствах. Кто бравировал, кто балансировал на краю истерики, кто пытался доучить бессмысленный текст, таская за собой проклятый «Текстовый модуль» с абстрактным узором на потертой обложке. «Вызубрить», как велел Портнов, не смог никто: текст не давался к запоминанию.

– Ну и ладненько, – басил Андрей Коротков, с первого дня примерявший на себя роль всеобщего старшего брата. – Что он нам сделает?

Лиза, похудевшая, осунувшаяся, смотрела на него с прищуром, как сквозь табачный дым. Сашка старалась с Лизой не встречаться.

На первой паре была математика, которую Сашка не любила и от которой искренне рассчитывала избавиться хотя бы в институте; ничего подобного: стандартный учебник, курс повторения, тригонометрия, построение треугольников...

Сашка поймала себя на жадном интересе к полузабытым школьным темам. Учебник был логичен, он был последователен, каждое задание имело смысл. Тонкая книжка, напечатанная на плохой бумаге, вдруг спровоцировала приступ ностальгии; Сашка положила ее в сумку с теплым, почти нежным чувством.

На второй паре был английский. Пара проходила в первой аудитории, это место – даже доска, на которой англичанка бойко выписывала грамматические конструкции, – многим навеяли неприятные воспоминания. Слушая привычные диалоги о погоде, о Лондоне и домашних животных, Сашка смотрела, как Костя перечитывает бессмысленный параграф из «Текстового модуля». Бездна качает головой.

Английский Сашке понравился тоже – и преподавательница, ироничная дама с высокой прической. И учебник. И то, что приходилось делать на занятии; язык был логичен. Усилия понятны. Даже зубрежка, запоминание слов, например, имела смысл.

Наступил обеденный перерыв.

На общем стенде с расписанием Костя приколол отдельный список – индивидуальные занятия по специальности. Сашка обнаружила себя под номером «один», ее время начиналось сразу после звонка на третью пару.

– Зачем ты меня поставил первой?

– А тебе что, не нравится?

– Успокойся, – сказала Сашка примирительно. – Я просто спрашиваю, без подтекстов.

– Я подумал, что тебе лучше сразу отстреляться, – сказал Костя, помолчав. – К тому же, ты этот идиотский текст лучше всех знаешь.

– С чего ты взял?!

– Ну не хочешь, я вместо тебя пойду!

Прозвенел звонок.

* * *

За деканатом, в закутке, помещалась аудитория тридцать восемь. Почему этой комнате достался такой номер – Сашка понять не пыталась. Стукнула в дверь и вошла. Класс был крохотный, без окон, в нем помещались только стол и несколько стульев. С потолка на очень длинном шнуре свисала голая лампочка. От ее пронзительного света Сашка зажмурилась.

– Вы опоздали на две минуты, Самохина.

– Я... не могла найти тридцать восьмую аудиторию. Я думала, на третьем этаже...

– Мне это не интересно.

Сашка стояла у двери, не зная, что делать и куда идти. Портнов поманил ее пальцем. Она подошла; Портнов – все в том же полосатом свитере – сидел за канцелярским столом, внимательно ее разглядывая. Под этим взглядом – поверх очков – Сашке стало еще более не по себе.

– Вот как мы увязли, – сказал Портнов не то Сашке, не то себе. – По уши. Кисель... Иди-ка сюда.

Он поднялся, скрипнув стулом, и моментально оказался рядом. Очень близко. Сашка почувствовала запах его одеколона – и успела удивиться. Она почему-то не думала, что такой человек, как Портнов, может пользоваться парфюмерией.

Сверху, почти над самой головой, горела лампочка. На линолеумном полу лежали круглые черные тени. Проекции. Тени...

– Я слушаю. Рассказывай наизусть то, что выучила.

Сашка начала, путаясь, запинаясь, точно зная, что не дойдет и до конца первого абзаца. А что будет дальше – после первого десятка строк – страшно представить, там черная яма, абракадабра сливается в сплошной серый гул...

– Смотри сюда.

Он поднес руку к ее лицу, и она увидела на его пальце перстень, которого не было раньше. Большой розовый камень преломил свет лампочки и вдруг сделался ярко-голубым, потом зеленым; Сашка задержала дыхание. У нее закружилась голова, она шагнула, пытаясь удержать равновесие...

– Стой.

Она захлопала глазами. Перстня не было. Портнов стоял рядом, держа ее за плечи.

– Молодец, – сказал он неожиданно мягко. – Поработала, вижу. Но это крохотный шажок, ты каждый день должна так работать. На следующее занятие прочитай параграф два. Все, что выделено красным – наизусть.

– А как же...

– Идите, Самохина, уже пошло чужое время. До свидания.

Сашка вышла в коридор, где поджидал, привалившись к стене, Андрей Коротков.

– Ну? – спросил жадно. – Сильно ругался? Что было-то?

– Коротков, я жду, – донеслось из аудитории.

Дверь за Андреем закрылась. Сашка обалдело помотала головой. Поднесла к носу часы на запястье...

С момента, как она вошла в аудиторию, прошло пятнадцать минут.

* * *

– Я же говорю: не видел его много лет. А объявился он в августе. Я-то на юрфак пролетел... А восемнадцать мне в сентябре. Матушка в шоке. Тут появился он. Вроде как спаситель. Устроил мои дела... Думаешь, я хотел сюда ехать? Я хотел в армию! То есть не то чтобы хотел, а...

Сашка и Костя шли по улице Сакко и Ванцетти, а потом по улице Мира, и еще по какой-то улице, все дальше от центра, сами не зная куда. Сперва говорила Сашка, рассказывала об утренних купаниях, о золотых монетах, о пробежках в парке и дороге в Торпу. Потом рассказывать взялся Костя. Его история была намного проще.

– ...И он меня просто заставил. Если бы я знал, что тут такое... Я бы в армию пошел.

– Не пошел бы, – сказала Сашка.

Костя удивленно на нее покосился.

– Мой отец ушел, когда я была маленькой, – сообщила Сашка. – В другую семью... И больше не показывался. Всю жизнь мы с мамой. Всегда – с мамой. И... самый большой страх, знаешь, какой? Что с ней что-то случится. Я вот вспоминаю, что делал и что говорил Фарит... он ведь напрямую не грозил. Он позволил моему страху – как бы самому – высвободиться и меня накрыть. Полностью. И мой страх привел меня сюда... и держит здесь. И будет держать.

Улица вдруг оборвалась. Сашка и Костя миновали два последних, по виду нежилых дома и ни с того ни с сего вышли на берег небольшой, но относительно чистой речки. Трава подходила к самому берегу. На деревянных мостках стоял рыбак в просторной куртке с капюшоном.

– Ух ты, – сказал Костя. – Может, и купаться можно?

Сашка спустилась вслед за ним к воде. Трава лгнула к ногам. Покачивались камыши, на противоположном берегу квакали лягушки. Костя уселся на поваленное дерево, старое, потерявшее кору, кое-где покрытое мхом. Сашка опустилась рядом.

– Интересно, здесь что-то ловится? – спросил Костя, понизив голос. – Я одно время фанат был... И на зимнюю рыбалку ездил, и...

Рыбак сильно дернул леску. Над водой взлетела серебряная рыбешка размером с ладонь, сорвалась с крючка и упала к Сашкиным ногам. Запрыгала на траве. Рыбак обернулся.

На этот раз на нем не было очков. Карие глаза Фарита Коженникова смотрели вполне радушно.

– Добрый вечер, Александра. Добрый вечер, Костя. Саша, подай мне рыбку, пожалуйста.

Сашка поднялась. Наклонилась. Рыбина дрожала у нее в ладони; размахнувшись, Сашка изо всех сил швырнула ее в воду. Разошлись круги. На ладони осталось несколько чешуек.

– А теперь ловите, – сказала Сашка звенящим голосом. – Только ноги не промочите.

Коженников ухмыльнулся. Положил удочку на траву. Расстегнув куртку, уселся на поваленный ствол рядом с сыном. Сашка осталась стоять. Костя напрягся, но встать не решился.

– Как учеба? Однокурсники, преподаватели, – осваиваетесь?

– Я вас ненавижу, – сказала Сашка, – и найду способ с вами рассчитаться. Не сейчас. Потом.

Коженников рассеянно кивнул:

– Понимаю. Мы вернемся к этому разговору... через некоторое время. Костя, ты тоже меня ненавидишь?

– Вот что меня интересует, – сказал Костя, нервно потирая колено. – Ты в самом деле... ты можешь делать так, чтобы явь становилась сном? Или это гипноз? Или еще какой-то фокус?

По-прежнему улыбаясь, Коженников развел руками, как бы говоря – ну вот, так получилось.

– И ты можешь управлять несчастными случаями? – продолжал Костя. – Люди заболевают, умирают, попадают под машины...

– Тот, кто управляет парусом, управляет ветром или нет?

– Дешевый софизм, – вставила Сашка.

– Все дело в том, – Коженников мельком на нее взглянул, – какой случай считать несчастным, а какой – счастливым. А этого, ребята, вы знать никак не можете.

– Зато вы за нас знаете, – снова вмешалась Сашка.

– А что это за монеты? – спросил Костя.

Коженников рассеянно сунул руку в карман. Вытащил золотую кругляшку. Мелькнула такая знакомая Сашке округлая, «объемная» фигура.

– Посмотри. Вот слово, которое никогда не было сказано. И уже не будет, – Коженников подбросил монетку, она взлетела, переворачиваясь, и снова упала ему в ладонь. – Понятно?

Костя и Сашка молчали.

– Поймете, – Коженников кивнул, будто успокаивая. – Хотите рыбку половить? Костя?

– Нет, – неприязненно сказал Коженников-младший. – У нас на завтра работы много. Привет.

И, не оборачиваясь, зашагал прочь от реки.

* * *

Утром и днем – еще куда ни шло. Сашка была занята, у нее были пары, занятия, заботы. А вечерами и особенно ночами она плакала. Каждый день. Отвернувшись лицом к стене. Она скучала по дому. По маме. Ей виделось в полусне, как мама входит в комнату, останавливается рядом с кроватью... Она просыпалась – и плакала снова.

Ей едва удавалось задремать к тому времени, когда звенел будильник.

* * *

Сашка всегда любила учиться. Мотаясь на курсы и по репетиторам, просиживая юбку в библиотеке, прочитывая школьные учебники наперед, она все-таки понятия не имела, какое это счастье – учиться тому, что логично, понятно и красиво, как задача по геометрии.

Теперь сам вид «Текстового модуля» с узором из кубиков на обложке вызывал у нее тоску.

Прошла неделя. Затем другая. Каждый день приходилось читать параграфы, зубрить, зубрить, зубрить отрывки бессмысленного, неприятного текста. Сашка сама не понимала, почему эта абракадабра для нее с каждым днем все более отвратительна. Вчитываясь в дикие сочетания полужнакомых и незнакомых слов, она чувствовала, как что-то происходит у нее внутри: будто под черепной коробкой просыпается осиное гнездо и ноет, ноет, беспокоясь, не найдя выхода наружу.

Со второй же недели занятий в группе «А» объявились прогульщики. Андрей Коротков не ходил на математику, заявив, что такие задачи он в девятом классе решал. Лиза Павленко пропускала то историю, то философию, то английский – безо всяких объяснений. Кое-кто из ребят пропускал физкультуру, но девочки ходили на занятия к Дим Димычу поголовно и с радостью. Милейший Дима, красавец, добряк, никого не мучил непосильной нагрузкой, зато много времени отдавал игре. Бесхитростно рассказывал о строении организма: чтобы увеличить эффективность тренировок, конечно. Показывал, как проходят сухожилия, как расположены мышцы – сперва на плакате, потом на живой натуре. Натура массово требовала новых и новых объяснений. Дима краснел и снова растолковывал: вот коленный сустав, вот голеностоп, вот эти нежные связки особенно подвержены растяжениям и даже разрывам...

Сашке нравилось наблюдать за юным физруком откуда-нибудь с горы гимнастических матов, сложенных один поверх другого. Смелость однокурсниц, ведущих себя нахально и даже развязно, удивляла, смущала и вызывала зависть.

На специальность ходили все девятнадцать студентов группы «А» в полном составе. И параграфы учили тоже все. Портнов умел принудить. Более того: все его преподавательское мастерство заключалось, по-видимому, в умении принуждать.

– Зачем нам вообще ходить на эти лекции? Чтобы книжки читать? – возмущалась Лора Онищенко, высоченная, грудастая, вечно таскающая в сумке полиэтиленовый кулек с вязанием.

– Это не учеба, – говорил Костя. – Это дрессировка, в лучшем случае. В худшем – зомбирование, полное промывание мозгов. У тебя как, голова после индивидуальных в порядке?

Индивидуальные были в каком-то смысле хуже лекций. Дважды в неделю по пятнадцать минут. Портнов говорил, что контролирует их знания, хотя знаний, с точки зрения Сашки, никаких не было, а способ контроля казался шаманством: перстень Портнова слепил глаза, от этого путались мысли, время совершало головоломный скачок, а Портнов ухитрялся узнать все о выученном, не выученном и недоученном.

– Ты не закончила пятый параграф. На завтра сделаешь шестой – и пятый опять!

– Я не успею!

– Меня не интересует.

В группе «Б», по всей видимости, происходило все то же самое – румяная Оксана побледнела, осунулась и все свободное время проводила за письменным столом. Лиза по-прежнему курила в комнате, сигарету за сигаретой. Сашке все больше казалось, что она это делает назло. Что ей нравится наблюдать, как Сашка кашляет и морщится от табачного дыма.

Прошло две недели занятий. Однажды на обеденной перемене, когда все отправились в столовую, Сашка вернулась в общежитие, нашла среди Лизиных вещей запас сигарет – несколько пачек – и все спустила в унитаз.

Лиза ничего не сказала. На следующий день вся Сашкина косметичка – и пудра, и тени, и блеск для губ, и дорогая помада, подаренная на день рождения и используемая редко-редко, по праздникам – все это оказалось в мусорном баке, разбитое, раздавленное и размазанное по ржавым железным стенкам.

Сашка обнаружила разгром поздно утром, когда Лизы в комнате уже не было. Не помня себя от ярости, Сашка кинулась в институт, намереваясь вцепиться мерзавке в волосы. Опоздала: первой парой шла специальность, и новая порция отвратительной абракадабры остудила Сашкин гнев быстрее, чем это мог бы сделать ушат ледяной воды.

...В конце концов, она первая начала. Первая выбросила ее сигареты. Но что делать, если на стерву не действуют слова! Ничего: Павленко, насколько Сашке было известно, вот-вот должна была найти съемную квартиру и переехать... И тогда можно будет вздохнуть с облегчением... С Оксаной-то они договорятся...

До конца пары оставалось пять минут. Сашка закончила читать параграф и вытерла мокрый лоб мокрой, слабой ладонью.

– Самохина, иди сюда.

Сашка вздрогнула. Портнов смотрел на нее в упор – поверх очков.

– Иди сюда, кому говорю.

Костя глянул с беспокойством. Сашка неуклюже выбралась из-за стола, переступив через собственную сумку.

– Все посмотрели на Самохину.

Восемнадцать пар глаз – равнодушных, сочувствующих, даже злорадных – уставились на нее в ожидании. Сашка не выдержала и потупилась.

– Эта девушка на данный момент достигла наибольших успехов в учебе. Не благодаря своему таланту, потому что данные у нее скромные. Кое-кто из вас значительно талантливее. Да, Павленко, это и к вам относится. Самохина оказалась впереди всей группы потому, что она учится, а вы просиживаете штаны!

Сашка молчала, чувствуя, как горит лицо. Кое-кто из сидевших напротив тоже покраснел. Помидором вспыхнула Лиза Павленко. Костя, наоборот, побледнел.

Портнов выдержал длинную, весомую паузу.

– Самохина, показав отличный результат, получает индивидуальное практическое задание. Слово – серебро... а все ваши слова – вообще полова, мусор, не стоящий воздуха, потраченного на их произнесение. Молчание... Молчание – что, Самохина?

– Золото, – выдавила из себя Сашка.

– Золото. С этого момента ты молчишь, Самохина. Это упражнение должно активизировать некоторые процессы, которые наметились, но идут пока вяло... Ты не говоришь ни слова ни здесь, ни на улице, нигде. Я запрещаю.

Сашка подняла изумленные глаза. Снаружи, в холле, зазвенел звонок.

– Все свободны, – сообщил Портнов. – На завтра параграф двенадцать, читать подробно, красный текст – выучить. Самохина, тебя это тоже касается. Учись. Старайся.

* * *

В этот день Сашка впервые прогуляла физкультуру. Ей просто невозможно было оставаться в толпе, даже в спортзале, даже с таким милым человеком, как физрук.

Кроме того, группе «А» надо было поговорить о ней. В ее отсутствие. Она это прекрасно понимала.

Она пошла в общежитие. На полдороги вернулась. Пустая комната, пропахшая табачным дымом, остатки любимой косметики в мусорном баке – вряд ли все это могло ее утешить или развлечь. Сашка выбралась на улицу Сакко и Ванцетти, побрела в сторону центра, прошла мимо почты и вдруг подумала о маме. Как она будет ей звонить?!

Мысли о том, что запрет Портнова можно нарушить, у нее не возникало. Ее губы, язык и гортань вышли из повиновения. Минут сорок после окончания пары она не могла разомкнуть судорожно сжатых зубов.

Зубы разомкнулись, когда она купила бутылку минеральной воды в гастрономе, знаками объяснив продавщице, что именно ей нужно. Тогда только зубы разжались, застучали о стеклянное горлышко. Сашка одним махом выпила литр газировки, после чего в животе у нее забурчало, и пришлось присесть на скамейку перед почтой.

Она звонила маме в прошлое воскресенье. Узнала, что Валентин вернулся из Москвы, но свадьба опять перенесена. Голос у мамы, несмотря ни на что, был веселый и даже беспечный. Им хорошо без меня, подумала Сашка.

Она зашла на почту, жестом попросила бланк и написала текст телеграммы: «У меня все хорошо звонить пока не буду телефон сломался». Отдала бумажку удивленной женщине за стойкой, заплатила за каждое слово и снова вышла на улицу.

Значит, теперь она первая ученица.

Неудивительно, что Павленко так покраснела. Но Сашка снова отдала бы любимую помаду – да что помаду... Что угодно отдала бы за то, чтобы Павленко поставили перед всеми, назвали лучшей ученицей – хоть и со скромными способностями, и запретили говорить. А она, Сашка, отправилась бы вместе со всеми на физкультуру – обсуждать небывалое событие, посвящать в него Дим Димыча, играть в мяч и валяться на горе матов...

Почему она должна молчать? Чему она таким образом может научиться? Какие-такие «наметившиеся процессы»?!

Поначалу она хотела прогулять и философию, но потом вдруг испугалась пропустить что-то важное. В ее тетради с конспектами все так красиво, логично выстраивалось, жаль оставлять пробел на месте Платона; она явилась.

На общих лекциях группы «А» и «Б» сидели вперемешку. С одной стороны от Сашки сел, как всегда, Костя, с другой стороны пристроилась Оксана.

– Поздравляю, – шепнула на ухо.

Сашка подняла брови.

«Мир идей (эйдосов) существует вне времени и пространства. В этом мире есть определенная иерархия, на вершине которой стоит идея Блага...»

– Портнов тебя так расхваливал... – бубнила Оксана. – Говорит, в нашей группе всем до тебя далеко...

Сашка вздохнула.

«В мифе о пещере Благо изображается как Солнце, идеи символизируются теми существами и предметами, которые проходят перед пещерой, а сама пещера – образ материального мира с его иллюзиями...»

– А сами предметы – это тени идей? – спросил Костя вслух. – Проекции?

Философичка пустилась в объяснения. Сашка отвернулась – и успела поймать взгляд Лизы Павленко, брошенный с другого конца аудитории.

* * *

– На самом деле, это решение проблемы. Если Самохина заткнется, в нашей комнате хоть как-то будет можно жить.

Сашка молчала. Лиза не могла успокоиться, расхаживала между кроватями в трусах и майке, поднимала что-то с пола и снова роняла, скрипела дверцей шкафа и рылась в своем чемодане.

– Ты же хотела хату снять, – неприязненно напомнила Оксана. – И свалить отсюда.

– И свалю... Времени нет этим заняться. Свалю, не волнуйся.

– А я не волнуюсь.

– Вот и не волнуйся!

Оксана была из тех, кого чужая исключительность, хоть самая крошечная, заставляет искать дружбы с ее носителем. Лиза была из тех, кто сам претендует на исключительность и оскорбляется, оказавшись во втором эшелоне.

Сашка могла бы сказать: нечему завидовать и нечего злиться. Ты же сама говорила, что это не учеба и не наука, а шарлатанство, гипноз, психоз или чего похуже. Так чем же мне гордиться: успехами в психозе?!

Но Сашка молчала. Единственная ее попытка заговорить – вечером, с Костей, по забывчивости – закончилась мычанием и брызгами слюны. Сашке стыдно было вспоминать этот эпизод.

Лиза пошире открыла окно. Холодная сентябрьская ночь пахла влагой и вялой травой. Лиза закурила – демонстративно.

– Тебя же просили не дымить, – сказала Оксана.

– Иди в задницу.

Сашка закрыла глаза.

* * *

Бессмысленные фразы проворачивались в мозгу, как гусеницы танка. Сашка читала двадцатый параграф; шла вторая неделя ее молчания, и ей казалось, что мир вокруг медленно погружается в тишину.

Она ощущала себя дирижаблем, полным мыльных пузырей. Пузыри – ее несказанные слова – поднимались в горлу и лезли наружу, нависали на языке, как неумелые прыгуны на трамплине. И лопались, оставляя горькое послевкусие. Ни одно слово не оказалось достаточно прочным, чтобы преодолеть барьер, вырваться и полететь.

«Ваши слова – полова, мусор...» Портнов был прав, понимала Сашка. Слова не имели значения. Взгляд, интонация, голос – все эти тоненькие ниточки, направленные в космос антеннки сообщали окружающим о равнодушии или сочувствии, о спокойствии, нервозности, любви... Не слова. Но без слов было тяжелее.

Она читала белиберду, она учила наизусть абракадабру. Безуспешно: это была работа Сизифа, отчаянные усилия Данаид. Холодные сентябрьские дни сменились бабьим летом, Лиза Павленко так и не нашла себе квартиру. Курила она не меньше, но Сашка успела притерпеться к вечному запаху дыма. По философии задали написать реферат; Сашка выбрала Платона и пошла в библиотеку, зачем-то прихватив с собой «Текстовый модуль». В маленьком, тесном,

заставленном шкафами зале запрещено было громко разговаривать, Сашку это устраивало: нигде она не чувствовала свою немоту так остро, как в галдящей толпе.

Она прошлась вдоль стеллажей. Потом села у окна и открыла «Модуль» – сама не зная почему, автоматически.

До конца книги осталось всего несколько десятков страниц. Сашка привычно взялась продирается сквозь бессмыслицу буквенных сочленений. Она читала и читала, пока из скрежета в ее мозгу не прорвались вдруг слова:

«...о чем поет птица; понял язык журчащей в чаше фонтана воды...»

Сашка вскинула голову.

В читальном зале, кроме нее, никого не было. День за окном клонился к вечеру. Из приоткрытой форточки пахло дымом далекого костра.

Она попробовала перечитать абзац, но ничего не получилось. Она вернулась к началу параграфа; начисто забыв о Платоне с его эйдосами, о реферате на завтра и о том, что читальный зал скоро закроют, она читала «Текстовой модуль, 1». Нарастала головная боль: будто сотня алюминиевых половников лупила по чугунным сковородкам за тонкой стеной, а Сашка читала и не могла остановиться, как бочка, покотившаяся с горы.

«...понял, о чем говорят облака на небе... Ему показалось, что и сам он – слово, произнесенное солнечным светом...».

Библиотекарша, явившаяся запирать зал, застала Сашку в прострации над раскрытым учебником.

* * *

Она зашла на почту и купила тетрадок в клеточку, три штуки. На задней обложке была картинка – рябь из точек и закорючек. Если не всматриваться, если глядеть сквозь лист, как сквозь стекло – из ряби через какое-то время проступала объемная фигура: на одной тетрадке египетская пирамида, на другой лошадь, на третьей елка. Когда-то учитель физики объяснял им, по какому принципу построено действие этих картинок, но Сашка все забыла.

Она брела по улице, зажав тетрадки под мышкой. Она могла бы сказать: то, чему нас учат, на самом деле имеет смысл. Мы не знаем, какой. Но это не просто зубрежка, не только издевательство: смысл в этой каше проступает, как объемная картинка из ряби, но это не «лошадь» и тем более не «елка»: скорее всего, эту науку не опишешь одним словом. Или даже двумя словами. Возможно, вообще нет слов, чтобы описать эту науку... или процесс. Ни один из второкурсников, не говоря уже о третьекурсниках, до сих пор не соизволил даже намекнуть, чему нас учат. Может быть, Портнов – или кто-то другой из преподавателей – заткнул им рты? Может быть. А может, они тоже не знают.

Одноглазый третьекурсник Витя рассказывал, что после зимней сессии его группа в полном составе отбудет «на другую базу», где обретаются четверокурсники и дипломники. Самой Сашке третий год обучения, тем более зимняя сессия, представлялись чем-то чудовищно далеким, она даже не испытывала любопытства: где находится «другая база», почему старшие студенты занимаются отдельно...

Темнело рано. Кроны лип на улице Сакко и Ванцетти, недавно густые и непрозрачные, теперь пропускали огни далеких фонарей. Было так тепло, что не хотелось верить ни в желтые листья под ногами, ни в скорую зиму. Сашка постояла, глубоко дыша, глядя на звезды над черепичными крышами города Торпы. У нее было два пути: через здание института и через переулок, узенький, ведущий прямо к общежитию. Подумав, она решила срезать путь.

– ...Ну, чего ты выламываешься?

Человек говорил шепотом, иногда срываясь на приглушенный басок.

– Чего ты строишь из себя целку? В пятницу... у Вовки в комнате... это была не ты, да?

– Отстань, – Сашка узнала голос Лизы Павленко.

– Ну, киса...

– Отцепись ты, сволочь!

Сашка задела в темноте пустую бутылку. Покатившись по булыжнику, бутылка звякнула; голоса стихли.

– Кто это тут ходит? – спросил парень.

Сашка не могла ответить. Повернувшись и, оступаясь на камнях, вышла из переулочка.

* * *

Ключ от двадцать первой комнаты висел внизу, на щите. Сашка рысью поднялась на второй этаж, отлучилась ненадолго в санузел и, наскоро почистив зубы, залезла в постель.

Первой вернулась Оксана. Пошелестела своими кулками (откуда, откуда у нее столько трескучего полиэтилена?!). Улеглась, вздыхая, полистала в постели учебник, погасила лампу, заснула. Сашка лежала в темноте, слушая, как кто-то хохочет на кухне, визжит, поет, гремит посудой; Оксана спала, как ни в чем не бывало, а Сашка не могла сомкнуть глаз.

«Слово, произнесенное солнечным светом». Почему Сашка так обрадовалась, когда осмысленная фраза выплыла, будто сама по себе, из набора букв? Эти слова знакомы, и складываются в грамматически верное словосочетание, но смысла в нем все равно нет. Солнечный свет не говорит... Это поток фотонов... имеющий одновременно волновую и корпускулярную природу...

А представить этого нельзя. Все равно, что видеть закрытую дверь одновременно с двух сторон. Находясь и внутри, и снаружи. Как же все-таки душно в этой комнате...

Повертевшись с боку на бок, Сашка поднялась. Шире открыла форточку, глотнула воздуха. На улице горел фонарь, его яркий искусственный свет заливал подоконник, во много слоев выкрашенный белой масляной краской. В углу, у самой рамы, стояла майонезная баночка для окурков и валялся, забытый, чужой учебник философии.

Сашка, почти не думая, разломила книгу наугад – открыла на первой попавшейся странице: «Универсалии, согласно номинализму, это имена имен, а не сущности или понятия...»

И эта фраза тоже не имеет смысла, разочарованно подумала Сашка. Вообще, если долго повторять одно слово – «смысл, смысл, смысл» – оно распадается на звуки, становится таким же информативным, как журчание воды в фонтане, и...

Она взялась за голову. Со мной что-то происходит, призналась себе. Может быть, я схожу с ума. В конце концов, и второкурсники, и третьекурсники очень похожи на сумасшедших. Странности... иногда физические уродства... как они замирают, глядя в одну точку, или промахиваются мимо двери, входя на кухню, или «застревают» посреди простого движения, будто заржавленные механизмы... Иногда, конечно, они говорят разумно, шутят остро, бывает, что неплохо поют...

«Истоки номинализма восходят к античности. Его первые представители в ранней античности – Антисфен из Афин и Диоген Синопский, противники „мира идей“ Платона...»

В коридоре послышались тяжелые шаги и, прежде чем Сашка успела вернуться в постель, дверь распахнулась.

Снаружи, в коридоре, горел свет, а в комнате было темно, поэтому Сашка увидела черный, будто картонный силуэт взъерошенной, расхристанной девушки. А Лизе – Сашка знала

– увиделось приведение в ситцевой ночной рубашке, пугливо замершее посреди комнаты на полпути в кровать.

– А ты не спишь, – сказала Лиза.

Сашка не могла говорить, да и не хотела. Юркнула в постель, отгородилась от Лизы одеялом. Услышала, как хлопнула дверь. Оксана засопела во сне, но не проснулась.

Повернулся ключ в замке. Лиза, нетвердо ступая, подошла к окну. Сашка услышала, как щелкнула зажигалка.

– Знаешь, – сказала Лиза задумчиво, – мне ведь плевать, что ты обо мне думаешь. Что там за мысли в твоей головенке. Я занималась в танцевальном ансамбле... Пришел он... Показал монетку. Сказал: запомни этот значок, не нолик, а этот, другой. К тебе подойдет незнакомый мужчина и покажет этот знак, тогда ты должна будешь идти с ним без вопросов и выполнять его капризы. Тоже без вопросов. Я, говорит, невозможного никогда не требую. На следующий день Лешку моего забрали якобы за убийство... Он того чувака даже не знал, даже не видел ни разу, а тут баллистическая экспертиза, и свидетелей подогнали... Пистолет Лешка купил... с рук... Говорил: у меня такая девочка, надо охранять... И вот подваливает ко мне лось, лет сорока, здоровый такой, и тычет значок этот... И я с ним иду, как овца. На утро меня рвет деньгами. А еще через два дня Лешку отпускают, родители его отмазали, или что, но и свидетели, и пистолет этот проклятый исчезают, будто корова языком... Хорошо отмазали. Я-то знаю, что он никогда не стрелял из этой пушки, только по бутылкам в лесу... Лешка живой и на свободе. А эти, разные, приходят ко мне каждый месяц. Тычут под нос значок. И я ложусь под них без вопросов, а наутро меня рвет деньгами, а Лешка рядом и что-то чувствует... Танцы свои я бросаю, какие уж танцы. Лешка бросает меня. А он... говорит: я не требую невозможного...

Сашка давно уже высунула нос из-под одеяла. Комната полна была запахом перегара и сигаретного дыма, Оксана спала (или притворялась, что спит), резкий свет фонаря лежал на подоконнике, высвечивал половину бледного лица сидящей на краю девушки.

Метался красный огонек сигареты. Выписывал петли.

– Молчишь? Молчи... У меня что, на лбу написано? Почему они ко мне липнут, а к тебе – нет?

Сашка молчала.

– Значит, я его любила, – сказала Лиза неожиданно трезвым, резким голосом. – Значит, любила, если ради него... А-а, что теперь. У меня еще брат есть младший. Бабушка есть, старенькая. Есть крючок, за который зацепить... у каждого есть крючок... Но почему он сказал, мол, не требую невозможного? Мне уже значок этот снится стал, – сигарета дрогнула, описывая в воздухе округлые линии. – Я уже от мужиков шарахалась, ото всех. Лешка уехал куда-то, телефон не оставил... А он говорит – «Я не требую невозможного!» А пропади оно все!

И, вдруг рванув на себя окно, Лиза перевалилась через подоконник и исчезла внизу.

* * *

Куча листьев, сырых, липучих, тянулась вдоль палисадника и в пике своем достигала метров полутора. Отряхивая джинсы, Лиза выбралась из шелестящей груды, оглядела ладони. Ощупала поясницу.

Сашка молчала. Она так и выскочила на улицу – в ночной рубашке, едва успев сунуть босые ноги в кроссовки.

Половина окон светилась, половина – нет. Гремели, заглушая друг друга, сразу два магнитофона. Кто-то танцевал на столе, тень металась по задернутым шторам. Девушки, летающие из окон либо бегающие по улицам в ночных рубашках, никого не удивляли и ни у кого не вызвали интереса.

Лиза ругалась сквозь зубы – жалобно и грязно. Вокруг на улице не было никого, кто посмеялся бы, удивился или пришел бы на помощь, только Сашка стояла, гадая, подать однокурснице руку или это будет расценено как оскорбление. В этот момент по замершим в безветрии липам прошелся резкий порыв, дождем полетели листья, звезды на секунду исчезли, а потом загорелись снова.

Сашка готова была поклясться, что огромная темная тень пронеслась прямо над крышей общежития. Более того: опустилась на антенну и сидит там, закрывая созвездие Кассиопеи. Сашка разинула рот...

Это было очень быстрое, мгновенное чувство. Мигнули и заново зажглись звезды. Лиза, не глядя ни на кого, уже хромала в обход здания ко входу, и Сашка, оглядываясь, побежала за ней.

Лиза миновала двадцать первую комнату. Двинулась дальше по коридору, туда, где дверь была распахнута, где у входа стояла батарея пустых бутылок из-под пива. С Лизиних джинсов отлетали, падая на пол, приставшие листья; Сашка успела услышать ее ухарский клич: «Гуляем, девки-мужики!», и, больше ничего не дожидаясь, нырнула в свою комнату, в темноту.

По комнате ходил ветер, стучала рама; трясаясь и цокая зубами, Сашка закрыла окно. Ее колотило, хотелось согреться, но горячую воду опять отключили, а идти заваривать чай на кухню, где всем так весело, Сашка не решалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.